

3-145 7/97

КРОКОДИЛ

№ 1 • 1997

ISSN 0130 • 2671

Все эпохи он знает детально,
Роль любую сыграет легко.
Посвящен в Петербургские тайны
И знаком с королевой Марго!

А. СИВИЦКИЙ,
Ю. ТИМЯНСКИЙ.

В этом номере вам улыбнутся

- Николай КАРАЧЕНЦОВ
- Игорь КИРИЛЛОВ
- Эммануил ВИТОРГАН

И. ЛОСОСИНОВ.

С наступившим

СВЯТОЧНЫЕ ГАДАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗВЕЗД

БЕЗРАБОТИЦА? ЭТО ХОРОШО...

Рождественский съезд «Нашего дома — Россия» собрался по традиции в «Президент-отеле». Почетное право гадания по огню было предоставлено В. Черномырдину. Он возжег газовую горелку и, надев сварочные очки — они же телесуфлеры с «бегущей строкой», — глядя как бы в пламя, сказал:

— Вижу, что все у нас в России уже хорошо. А будет еще лучше. Скажем, производство. Оно полностью остановится. Это плохо. Но зато дальнейшего его спада больше не будет. Это хорошо. Или безработица. Все население сделается безработным. Это плохо. Но зато никому не придется платить зарплату. Это хорошо. Деньги окажутся ненужными, мы их соберем и свезем в одно место. А без денег и с инфляцией разделимся окончательно. Словом, не надо паники. Ситуация у нас под контролем. Будем хотеть, как лучше, а сделаем, как всегда!

НЕ ДУХОМ ЕДИНЫМ...

Министр финансов А. Лившиц в узком кругу заинтересованных лиц провел спиритический сеанс. Столовверчением занимались также С. Дубинин и Б. Федоров. Вызывали дух графа С. Витте, министра финансов при Николае II.

Лившиц. Сергей Юльевич! Слышите меня?

Витте. Слышу-у...

Лившиц. Предскажите что-нибудь хорошее, а?

Витте. Не предскажу-у...

Лившиц. Почему-у? Жалко, да? Хорошим надо делиться...

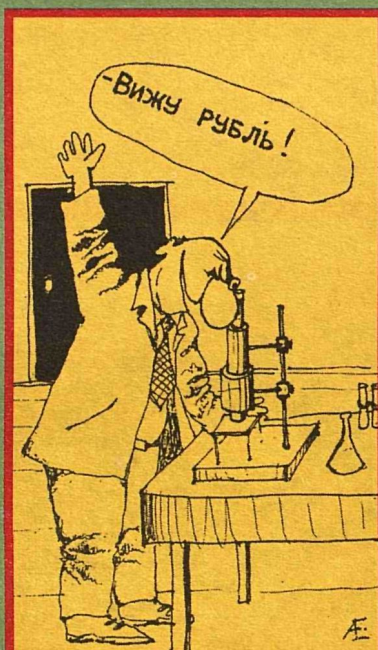
Витте. Нет ничего хорошего-о...

Дубинин. Значит, будет! Назад дороги нет.

Федоров. А уж при мне с Россией был бы полный вперед!..

Лившиц. Сергей Юльевич, отец родной, чего делать-то? (Пауза.) Вот ведь такая голова, а тоже не знает. Чего ж на меня-то все навалились?! Ввести бы с этих духов подушный налог да потрясти как следует! Жаль, Ельцин не позволит. Придется трясти живых, притом безропотных. А иначе все мы испустим дух.

Присутствующие молча расходятся в мрачном расположении духа.

А. ЕВТУШЕНКО, г. Ростов-на-Дону.

В. ШИЛОВ, г. Санкт-Петербург.

А. ЕВТУШЕНКО.

А. ЕВТУШЕНКО.

АНЕКДОТ **БЕЗ** БОРОДЫ

— Маш, а Маш? Хочешь новой русской стать?
— Зин, о чем речи! Конечно, хочу.
— Тогда иди вон в тот фургон, спроси Заура. Ему вчерашняя русская уже надоела.

— Анатолий Борисович, а вот, скажем, десять раз за сутки можешь?
— Могу.
— А двадцать?
— И двадцать могу.
— А вот сто — слабо?
— Что ты, я однажды за сутки двести раз на документах расписался — и ничего.

Прислал Е. ЛЮСКОВ, г. Истра.

Жена начинающего рэкетира заходит в ванную и видит, как ее муж стоит под горячим душем — весь уже красный.

— Хватит, хватит, — говорит она, — ты уже крутой!

Прислал Е. АЛЕКСАНДРОВ, г. Москва.

Поймали два «новых русских» золотую рыбку. Та просит ее опустить в обмен на выполнение любого их желания. Бизнесмены говорят:

— Ликвидируй банду Моченого, житья от нее нет.

А рыбка отвечает:

— Нет, нет, только не Моченого! Я ведь сама у него под «крышей»!

Прислала Е. БЕСКРОВНАЯ, г. Сочи.

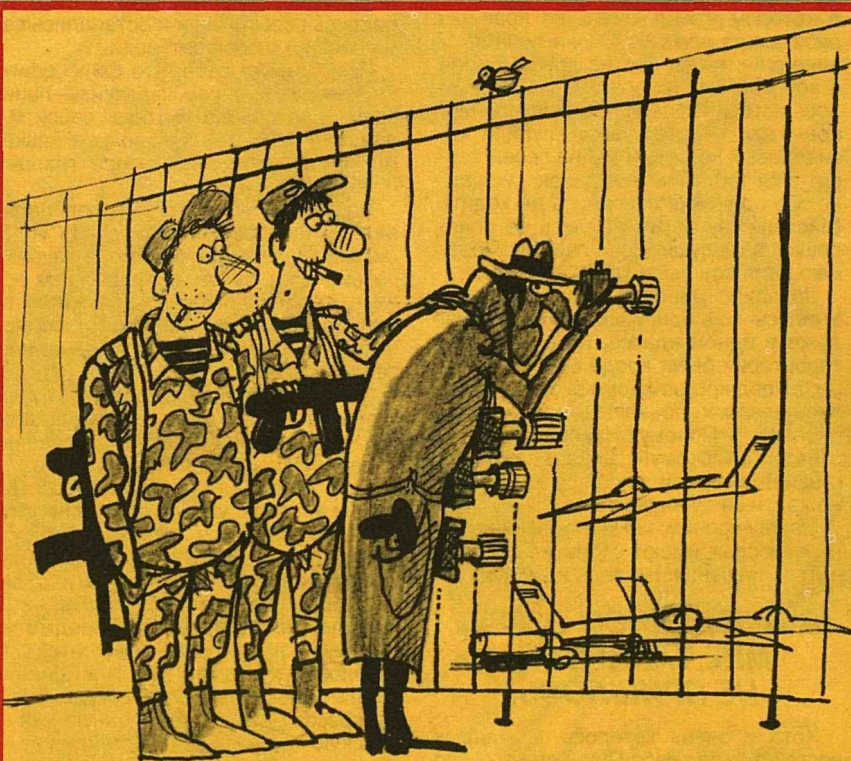

В. ФЕДОРОВ, г. Челябинск.

В. ЛУГОВКИН.

Новым Годом!

— Слушай, друг! Сфотографируй нас с Иваном на память о службе.

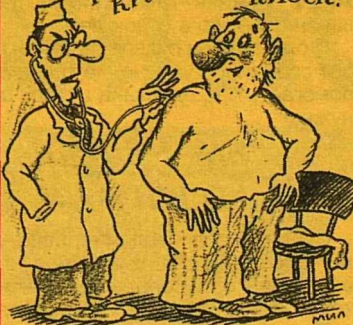
А. ВАСИЛЕНКО, г. Киев.

МИМОХОДОМ

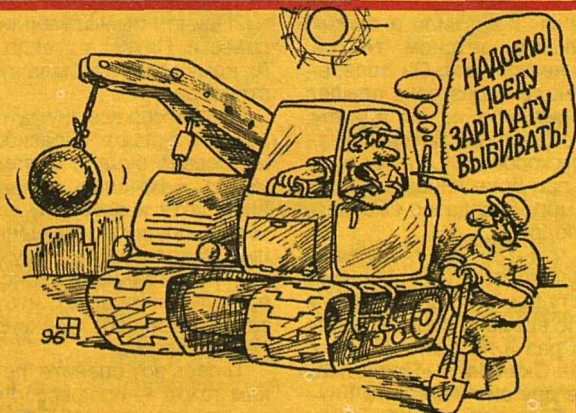
- Кроме дураков и дорог, в России есть еще одна беда: дураки, указывающие, какой дорогой идти.
- Чем чаще вправляют мозги, тем больше они набекрень.
- Был человеком с большой, но плохой буквы.
- Хорошо смеяться последним, плохо, что уже не над кем.

Борис КРУТИЕР, г. Москва.

— У вас проблемы с алкоголем?
— Никаких! Как раз возле дома — круглосуточный киоск!

В. МИЛЕЙКО, г. Санкт-Петербург.

В. ФЕДОРОВ.

А. ЛЕВИТИН, г. Самара.

ЧЕПЯТКИ

- Поддатель сего.
- Стыдпендия.
Г. ЛЯТЬЕВ, г. Москва.
- Кланомерное продвижение.
- Холопом по Европам.
- Скулистый парень.
- Самый челоувечный.
- Нас на бикини не проведешь!
- ГАИстая местность.

А. АНИСЕНКО
г. Кузнецк.

В. ФЕДОРОВ.

«Да, сейчас похоронить близкого человека — слишком дорогое удовольствие»

(Из статьи.)

Смотри, как быстро выполнена программа ЖИЛЬЕ-2000...

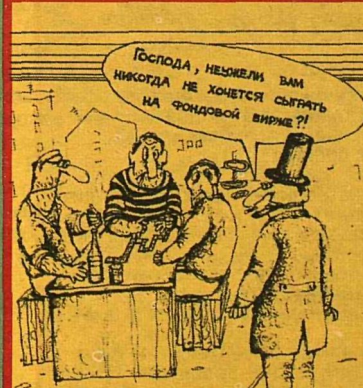
В. ШИЛОВ.

«Импортное средство для тараканов. Абсолютно безвредное».

(Надпись на ценнике.)
Прислал А. МЕЛЬНИК,
г. Евпатория.

ОБЪЯВЛЕНИЕ
ПРОДАЕТСЯ СТОЯ НОВЫЙ
ПОЛИРОВАННЫЙ. ПРОЖИВАЕТ
ПО УЛИЦЕ ЗАПОРЖЕНОЙ
ДОМ №31 кв 92
В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ.

Прислал Д. КИРСАНОВ,
Самарская обл.

А. ЕВТУШЕНКО.

«Надев рубашку и красивые брюки с расстегнутым воротником, он весело вышел из дома».

(Из радиоочерка.)

«Мясокомбинат приглашает рабочих в цеха по переработке скота (только мужчин и женщин)».

(Объявление.)

Прислал Н. МАЛАХОВ,
г. Москва.

НАРОЧНО ПРИДУМАЕШЬ

НА ТРОНЕ — ОДНОЗНАЧНО!

Гадание ЛДПР прошло, как обычно, в Сокольниках, при большом стечении народа (мужчинам пообещали по бесплатной бутылке «Жириновки», а одиноким женщинам — по мужчине). Вождь партии появился с опозданием на полтора часа и был одет в свою знаменитую зимнюю шапку с козырьком и смоделированный В. Зайцевым ярко-синий балахон звездочета. Взорвавшись на трибуну, он сказал:

— Граждане России! Сегодня в ночь перед Рождеством я как истинно русский человек и православный христианин буду заниматься ворожбой. Вот мое обручальное кольцо, которое мне надели на палец во время венчания с моей супругой накануне президентских выборов. И хотя оно не помогло мне выиграть, я верю в его сверхъестественную силу — однозначно. А кто не верит — тот подонок, мерзавец, агент ЦРУ и «Моссада»! Внимание! Начинаю гадать! Опускаю кольцо в стакан с водой — святой русской водой из Индийского океана! Смотрю внутрь кольца... Вижу себя в Кремле: я сижу на троне в Грановитой палате, а ко мне сползают на поклон все эти жулики из так называемой «большой семерки». Но я нажимаю кнопку в спецмоданчике, включаются гигантские вентиляторы и сметают непрошенных гостей с нашей земли вместе с радиоактивными отходами! Так будет! И мой друг Саддам тоже так считает.

Бросив в толпу пригоршни долларов, где вместо Дж. Вашингтона был напечатан портрет Жириновского, вождь ЛДПР срочно отбыл в «Шереметьево-2», чтобы встретить свою очередную гостью — скандально известную топ-модель Сиськолину.

Стр. 6

А. ВАСИЛЕНКО.

АНЕКДОТ

БОРОДОЙ

Зоопарк. Малыш спрашивает у матери:

— Ма, правда, эта обезьяна — вылитый дядя Вася?

— Что ты, что ты, разве можно так говорить!

— Ну, я же тихо сказал, обезьяна не слышала...

Прислала Н. МАТВЕЕВА, Новгородская обл.

Мужик привез на базар корзину яиц. У него спрашивают:

— От скольких несушек яйца?

— От одной.

— Да ну?! Сколько ж она за день несет?

— Иногда два десятка, иногда и три.

— Вот это курица!

— Причем здесь курица? Это моя жена на птицефабрике работает, как идет домой — так и несет.

Прислал П. ЗВОНКОВ, о. Сахалин.

— Это правда, что тебя в деревне не считают самым злым?

— Не знаю, но, когда я ночью хожу по кладбищу, все лежит тихо-тихо...

Путешественник просится в избу переночевать и говорит хозяйке:

— Вы меня не бойтесь, я интеллигент.

Утром он выходит на двор и видит пять курочек и много петухов.

— Хозяйка, почему у вас так много петухов?

— Нет, петух один, остальные — интеллигенты.

Сидит пожарный в каске, а рядом останавливаются два мальчика и начинают препираться:

— Ты спроси!

— Нет, ты!

Наконец один из них решается и спрашивает:

— Дяденька, а зачем у вас на каске ремешок?

— Чтобы каска с головы не упала, — отвечает пожарный.

Мальчик поворачивается к приятелю:

— Ну а что я тебе говорил? А ты: «Чтоб морда не треснула! Чтоб морда не треснула!»

Прислал В. ЕЛИСТРАТОВ, Саратовская обл.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО — ЧУВСТВО ЮМОРА

Актеру это чувство необходимо, и с ним, как и с остальными пятью, лучше всего родиться. Хотя и жизнь его тоже здорово оттачивает, подбрасывая ситуации, в которых только юмор и спасает.

Мне хочется думать, что при рождении все положенные человеку чувства у меня были в комплекте, а дальше старалась жизнь. Вот я упомянул цифру «6», а надо еще сказать о «9», «5» и «4». И неспроста.

Родился я в Москве, на Чистых прудах, в Девяткином переулке. Дом № 5, в котором я жил, очень не нравился ребятам из дома № 4. Они почему-то ничего не имели против других домов, а вот мой был их врагом. Так сложилось исторически. И нас, «пятерочников», эти «четвертушки» лупили как сидоровых коз. Но и мы на своей территории били «четвертушек» нещадно. По одиночке старались не ходить. Шастали группами и бились не понарошку, а от души. Но кулаками. Предметы для боя были тогда не в моде.

Доходило дело до полной ерунды. Учились-то в одной школе, некоторые даже в одном классе, и на школьной территории были вроде бы приятелями, а «под крышей дома своего» делались врагами, по-нынешнему оппозиционерами. Почему? Наиболее полный ответ: «А потому!» Доказывали, кто главнее, воевали за сферу влияния, а может, и за суверенитет.

Между прочим, иные нынешние войны взрослых имеют столь же абсурдные объяснения. Но ведь идут же!

В «ЛЕБЕДИНОМ ОЗЕРЕ» МНЕ ТАНЦЕВАТЬ НЕ ПРИШЛОСЬ

Хотя и очень хотелось. С младых ногтей я видел себя Принцем на сцене Большого театра, в котором часто бывал с мамой. Она работала балетмейстером, и атмосфера дома была пропитана танцами. «Большой батман», «па-де-де» и т.д. — вот что витало в воздухе нашего дома. Я повторял балетные па, танцевал и собирался в хореографическое училище. Но, когда подошло время поступления, мама запретила мне даже думать о балете. «Был бы девочкой — отдала бы», — сказала мама. Она знала, как сложна жизнь мужчин-танцовщиков, уходящих на пенсию в сорок лет.

Я благодарен судьбе за такой поворот событий, а увлечение танцами мне помогает, т. к. пластика актеру ой как нужна!

ДВЕ СТУДИИ И ОДИН МХАТ

Сцена, театр меня все равно манили. Как я теперь понимаю, для тех, кому судьба определила быть актером, театр — это болезнь, это диагноз.

И я в свободное от драк и уроков время стал ходить на занятия сразу в две самостоятельные театральные студии. Почему в две? Потому что два моих приятеля ходили в разные студии. С одним мы поступили в студию при Центральном детском театре. Второго туда не приняли. Он попереживал, конечно, а через день пришел к нам и говорит: «Какие вы идиоты, что попали в студию при Детском театре. Что в этом хорошего? А я вот принят в студию при Доме кино, мне дали пропуск, и я могу бесплатно смотреть все фильмы подряд».

Это было что-то! На следующий день я с выученным стихотворением заявился в студию при Доме кино и был принят. Но времени смотреть «все фильмы» как раз и не было. В одной студии я играл Скапена в «Проделках Скапена», а в другой — бандита Глухаря в пьесе «Два цвета». И там, и там мне посоветовали поступать в театральный вуз.

Я подал заявления во все! Но, когда пришел сдавать экзамены в школу-студию МХАТ, сказал себе: я буду учиться только здесь. Что бы ни было на экзаменах, отсюда я не уйду. Пусть хоть милицию вызывают. Милиции не понадобилось — меня приняли.

ИСПОЛНЯЮ ЧЕЧЕТКУ ПОД ЛЕНИНСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КЛАССОВ

Вот здесь-то с юмором все было в порядке. Спецпредмета по остроумию, конечно, не значилось, но педагоги — люди неординарные, самобытные, не боялись розыгрышей и оставались сами собой в любой ситуации.

Представьте себе, что философию, научный коммунизм, марксизм-ленинизм, о которых в те годы говорили с придыханием, мы изучали с хаханьками и разными, как теперь говорят, прибаудасами.

Начать хотя бы с того, что преподаватель философии профессор А. Я. Зись, заглянувший, видимо, в глубины своей науки, очень четко дал нам понять, что мы ни-когда (!) в жизни не овладеем этим предметом. Правомыслие: почему? а зачем нам тогда не него себя расходовать?

Очень нравились студентам и другие подходы к жизни нашего педагога... Ну, к примеру, он был откровенно равнодушен к женской красоте. По правде говоря, это чувство у нас, будущих актеров, уже было вполне развито. Но убедиться, что и сухой философ испытывает такие же волнения, было приятно. Живые сценки с его участием впитывались нами, как учебные иллюстрации к предмету, который нам не суждено усвоить.

Приходит сдавать зачет по философии прехорошенькая студентка. Профессор держит фирменную мхатовскую паузу, с удовольствием изучает барышню и говорит: «Как хорошо вы сегодня выглядите!» А потом задает единственный вопрос: «Ну, какую оценку вам поставить?»

Студенческая братия в восторге: вот это философия!

Узнав профессора поближе, наш курс решил провернуть крутое дельце. На пару с одним студентом мы выучили наизусть, как «Отче наш», ленинское определение классов. Проговаривали его громко, синхронно, как «Муху-Цокотуху»: «Муха по полю пошла, муха денежку нашла...» Впечатление, будто говорит один человек. Одновременно отработали хореографический номер — чечетку, которую лупили тоже синхронно. Чечетка шла сразу после определения классов, как аккомпанемент-проигрыш.

В день экзамена мы встретили профессора в фойе. Весь курс стоял полукругом. Наш дуэт вышел в центр перед профессором. Сначала идеально синхронно отбарабанили определение вождя мирового пролетариата. Потом так же синхронно отчесали чечетку и закончили эффектным выпадом перед профессором на одно колено: ба-бах! И одновременно вручили ему лист бумаги. На бумаге был список всего курса и предполагаемые отметки каждому. Причем мы не грабили. Все было по совести. Пятерка стояла только у того, кому дозарезу была нужна большая стипендия.

Профессор все внимательно прочел, оценил, сказал: «Спасибо, ребята» — и... порвал бумагу. Экзамен он не отменил, и началась паника. Все тряслись, хотя к экзамену готовились, но теперь боялись завышенных требований. Закоперишки — дуэт синхронистов-чечеточников трясся вдвойне: вряд ли так повезет, что в двух билетах будет вопрос о ленинском определении классов.

Теперь вот оцените: почти всем — и нам тоже! — профессор поставил наши отметки, те, что были в бумаге. Он все запомнил, у него была фотографическая память и доброе сердце.

РАКУРС — ИЗОБРАЖЕНИЕ С РАЗНЫХ ПОЗИЦИЙ

Лично я понял, что такое ракурс, увидев преподавателя изобразительного искусства Б. Н. Симолина лежащим на полу во время приема им экзамена. Непосвященному такой ракурс педагога был непонятен. Но мы-то знали, что Симолин вдалбливал в наши головы все премудрости и тонкости живописных приемов, себя не жалея.

И однажды ему по —

жал на полу и все донимал его вопросами: «А вот теперь как?»

«ВЕРЮ — НЕ ВЕРЮ»

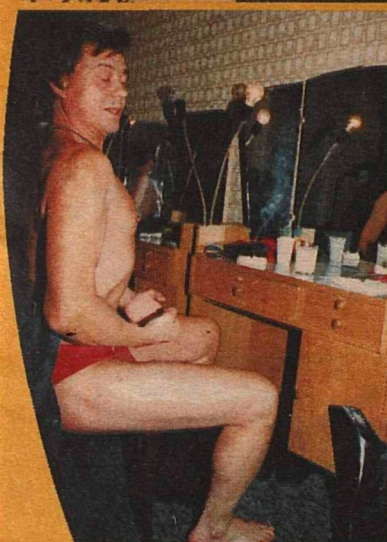
Эти слова Станиславского стали базисными, но, наверное, на другие их никто не заменит, т. к. они выражают суть актерства. Если режиссер и зритель верят в то, что изображаешь, значит, кусочек жизни воспроизводится достоверно.

П. В. Массальский, В. Я. Станицын, В. В. Топорков и другие мхатовцы —

Николай КАРАЧЕНЦОВ

Театр для меня — это ДИАГНОЗ

пался нерадивый студент, не уяснивший, что же такое ракурс. Другой бы педагог влепил ему двойку — вот и весь ракурс. А Борис Николаевич стал доводить студента до ума. Занимал то одно положение, то другое, спрашивая, как теперь видна изображаемая модель. Он нагибался все ниже и ниже. И каждый раз спрашивал: «А теперь как будет?»

Под конец студент сидел в углу весь красный и заморенный, а Симолин ле-

да — гоги го — няли нас до седьмого пота, чтобы мы не фальшивили. Так учат бойцов трудностям военного искусства.

И вот перед экзаменами два «бойца» показывают П. В. Массальскому этюд, который они приготовили.

Один, назовем его Саша, только что пришел со службы в военно-морском флоте. Человек огромного роста, неимоверной физической силы, с сумасшедшим темпераментом и очень-очень одаренный. Он изображал часового,

стоящего с ружьем у склада. Второй — Витя, махонький, тщедушный, играл воришку, который проползал незаметно на склад мимо часового. Играл он свой этюд. Массальский багровеет, наливаясь гневом, и спускает на них собак: «Оба наигрываете. Только полный идиот может не видеть и не слышать, как крадется этот воришка. Он работает грубо, а ведь знает: у часового ружье, и тот может пальнуть. Разве в жизни он крался бы так? Идите и дорабатывайте!».

Дорабатывали следующим образом. Моряк говорит Вите: «Если завтра на экзамене я тебя услышу — убью». И показывает ручищи. И Витя сказал себе: «Верю!» Ночью он трясся, а когда пришел на экзамен, ему было наплевать на Массальского и на отметку. Он крался так, что мышка-норушка по сравнению с ним была бы громогласной парнокопытной козой. Сыграли натурально, порадовав педагога, который нервничал, конечно, из-за ребят, т. к. не видел сценки с ручищами.

Я готовил отрывок из пьесы «Лес» Островского, в котором играл Аркашу Счастливецва. Наш педагог В. Я. Станицын все объяснил, показал, посмотрел на зрительских прогонах перед экзаменами. (Это когда студенты играют для своей аудитории: преподавателей, знакомых.) После чего сказал: «Не обижайтесь, но завтра на экзамене я не приду. Оценки все равно ставит худсовет. Вы сыграете так, как сыграете, а получить инфаркт из-за того, что вы все сделаете не так, я не хочу».

И вот экзамен. Я играю и вижу: за кулисами стоит Станицын, весь красный, взволнованный, и проигрывает все, что я должен сыграть. Он как бы подсказывает мне! Уходить от таких педагогов и из такой атмосферы не хотелось, но нам вручили дипломы, кое-кому, и мне в том числе (горжусь этим!), с отличием, и «бросили в воду».

Я прибил к Ленкому. Повторяю за Джигарханяном: «ХОЧУ — И БУДУ ИГРАТЬ МНОГО».

Так и получается, потому что

Ленком оказался для меня не мачехой, а родной матерью. Отцом же театра стал М. А. Захаров — да простит он меня за такие словесные выкрутасы. Да каким! Не только отцом — хозяином театрального дома, который отвечает за все, за каждый спектакль и каждого актера.

Он рисковал, поручая мне, молодому еще актеру, масштабнейшие роли: Тилия Уленшпигеля в спектакле «Тиль», графа Резанова в «Юноне и Авось», в других спектаклях. Я рад тому, что играю по 12—15 спектаклей в месяц.

Последняя моя премьера в театре — в пьесе А. Галина «Чешское фото». Перед этим — «Сорри». Не мне быть критиком, но зритель на спектакли ходит и «лишний билетик» ищет.

А НА БРОДВЕЕ БЫЛА ДАЖЕ ДРАКА...

Из-за билетов на «Сорри». С этим «спектаклем на двоих» мы с Инной Чуриковой в конце прошлого года были на гастролях в Америке. Игнали во всех крупнейших городах: Нью-Йорке, Ва-

шингтоне, Филадельфии, Бостоне, Чикаго. Спектакль имел успех, и мы дали даже два дополнительных.

В Нью-Йорке он шел на Бродвее в театре Тоун-холл. И вот время назначать, мы в костюмах, на сцене — морг, где происходит действие спектакля. Но начинать нельзя, т. к. за дверями театра идет другой спектакль — драка среди тех, кому не досталось билетов. Толпа напала и на продюсера, трясет его и требует билеты, а где он их возьмет, если в зале 1500 мест и все проданы? Наиболее отчаянные рванули в зал «за так», сметая заслоны.

Итоги такие: приехали три полицейские машины для утихомиривания, две — пожарные и две — «скорые помощи» — на всякий случай. Зал оказался переполненным, прорвавшиеся «зайцы» стояли в проходах и у стен. Спектакль задержался на 45 минут.

А когда начался — еще сюрприз. Я произношу первые слова роли: «Я — еврей». И вдруг из зала кто-то громко, отчетливо говорит: «И я тоже!» Зал замер, ожидая, что же еще-то будет дальше. Но я неотреагировал, спектакль пошел, как и положено, и закончился овацией и криками «браво». Applodировали все: и законные зрители, и «зайцы». Среди них, наверное, и тот, кто «тоже еврей».

КАК У МЕНЯ УКРАЛИ ГОЛОС

По определению других, у меня бас-баритон. По-моему, голоса вокального у меня вообще нет. Никакого. Есть «нахалин», о котором речь впереди, и давняя привычка, еще со времен учебы в школе-студии МХАТ, играть песню, создавая из нее маленький спектакль. Поэтому я запел в театре и даже песни записываю. В кино впервые спел в «Собаке на сене». Маркизу Рикардо, которого я играл, надо было исполнить серенаду. Я считал, что серенада — это для тенора. Однако композитор Геннадий Гладков предложил петь мне. Я сказал, что могу серенаду только проповит. На что он ответил: вот это и надо! Я и проповит.

Но самое необыкновенное, что надо сказать о моем голосе, так это то, что его... украли.

Рекламщики, прославлявшие печально известные «Московскую не-движимость» и «МММ», решили, что мой голос и я сам как актер вызываем доверие у сограждан и способны убедить их сходу отдать фирмам свои кровные.

Я об этой рекламе ни сном ни духом. Оказалось: рекламщики нашли артиста, тембр голоса и интонации которого были «как у Караченцова». Так что у этих прохиндейских фирм даже реклама была с подвохом и обманом. Судиться не стал, т. к. моя рекламная непорочность была быстро установлена.

«ДУРА»

Это не ругательство, это название фильма. В нем была постельная сцена, где действовали герой и его жена. Героя играл я, жену — молодая актриса. На съемках этой сцены она стеснялась меня, самой ситуации, очень зажималась. Никак нельзя было поверить, что в постели мы оказались по своей воле — сцена не получалась. Тогда я сказал: «Прошу всех удалиться на десять минут». Через десять минут съемочная группа явилась, и произошло чудо. Актриса была такой натуральной женой, играла так естественно, что режиссер и оператор сказали: «Верим!» — и сняли сцену.

Но если кто-то что-то про меня подумал такое-этакое, то это от испорченности наших нравов. У съемочной группы тоже был блеск в глазах. А зря. На самом деле я вспомнил... этюды в Школе-студии МХАТ, уроки Массальского, других педагогов и преподавал нечто подобное своей партнерше. Помните, как жучил

Караченцов

Массальский студентов-этюдики? Педагогика — великая вещь!

Между прочим, мне везло на дурные названия фильмов. Одновременно с «Дурой» я снимался в фильме «Чокнутые». «Дуру» снимали в Минске на «Беларусьфильме», а «Чокнутых» — на «Мосфильме». Я метался между городами.

Снимаюсь в Минске, звонок на студию, бежит вахтерша в наш павильон, кричит: «Это «Дура»? «Чокнутые» Караченцова к телефону просят!»

Вспоминая о всех курьезах и казусах, без которых не обходятся съемки, помоему, ни одного фильма (а я, слава Богу, снялся почти в ста), думаю: если бы все забавные закадровые истории, что происходили на съемочных площадках, отснять и собрать в один фильм, — получилась бы отличная комедия. Или трагедия. Смотря против кого оборачивались эти казусы и курьезы.

У АКТЕРА ДОЛЖЕН БЫТЬ «НАХАЛИН»

Так, забавляясь, мхатовские старики определяли способность преодолеть внутренний зажим: «А я и так могу, и эдак могу». «Нахалин» — не нахальство. Он на пустом месте не появится. Для его выработки нужна мобилизация всего инструментария актера, его техники, обаяния, умения петь, танцевать и т. д. Словом, «нахалин» близок к актерскому куражу и предназначен исключительно для внутреннего употребления, преодоления самого себя. В отличие от нахальства, которое обращено на других.

Я об этой актерской интимности говорю, вспоминая о забавных розыгрышах, отсебятине, ляпах, которые иногда ставили в тупик партнера, но всегда вызывали смех.

Пожалуй, в самое дурацкое положение я попал из-за устроенного мне розыгрыша в спектакле для детей «Синяя ворона». Я играл пионера, которого заносит в разные эпохи. Гражданская война. Я спасаю наших и попадаю к белякам. Ведет меня на расстрел не то есаул, не то сотник, словом, плохой беляк. Он говорит: «Если не сознаешься — расстреляю». Я гордо отказываюсь. И, конечно, все кончается хорошо.

Так вот. В этой сцене артист, играющий беляка, вдруг появился из-за кулис в одежде, которая вся до мелочей надета задом наперед. Пуговицы гимнастерки — на спине, брючная ширинка, козырек фуражки, пряжка на ремне — все сзади. Даже сапоги (и как умудрился надеть и ходить!) каблуками вперед. Все за кулисами попадали, а мне — надо играть!

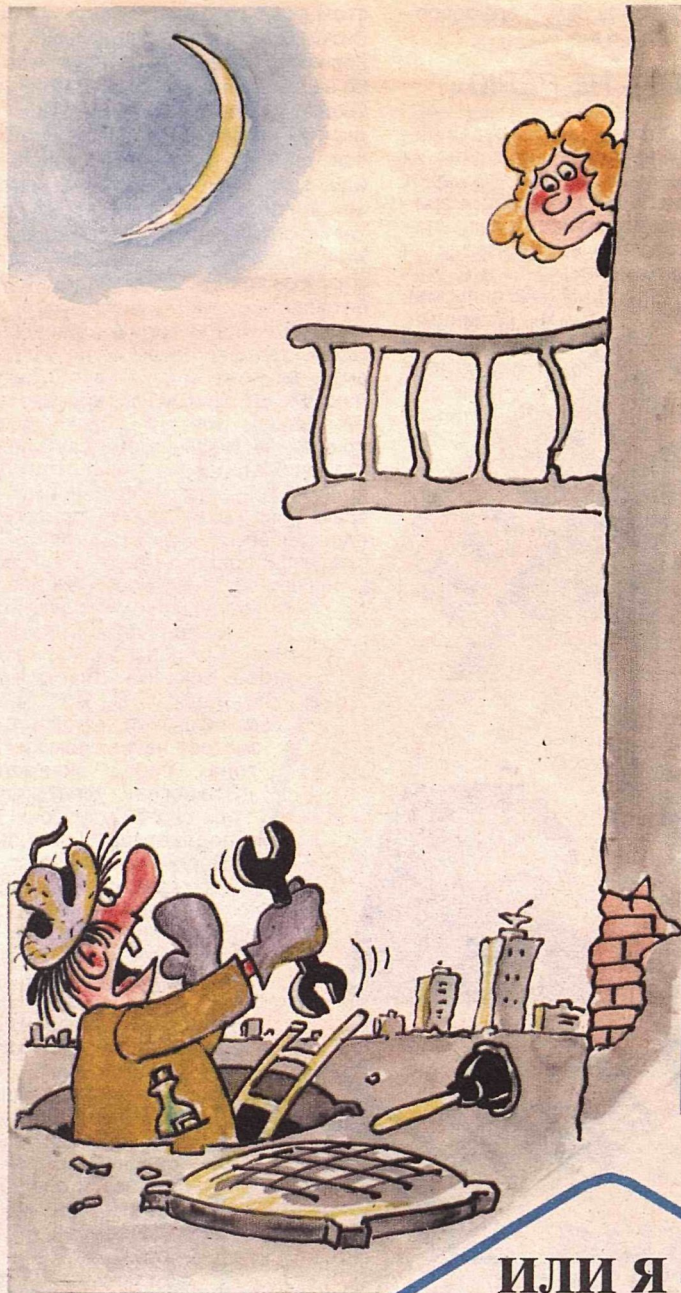
«Ну что же ты молчишь?» — вовсе не по роли говорит мне беляк и снимает фуражку. А ко лбу у него приклеены 3 рубля: пойдём, мол, друг, на этот трешник займемся делом, вместо того чтобы играть эту фигню.

Тут и я чуть не упал. Сцену закончили с большим трудом, под общий хохот коллег. А дети думали, что так надо. Такова магия сцены. Зритель верит, что на сцене все происходит как надо, а если что не так, то это ему, зрителю, помешало.

Это и спасает. Сейчас я стал старше и, наверное, злее. Считаю, что в подобных розыгрышах действует не «нахалин», а нечто другое, что может разрушить спектакль. Хотя и повторю то, с чего начал: шестое чувство — чувство юмора — актеру нужно позарез. Как, впрочем, и людям любой другой профессии.

Убедилась, что с чувством юмора у народного артиста России все в порядке, Аза ПАВЛОВА.

Фото С. ЖАБИНА.

— Выходи, Зин, а то воду отключу!

В. ЛУГОВКИН.

История эта давняя... Все началось летом 1963-го, когда я был еще совсем маленьким. Тогда нашу семейную новенькую «Волгу» прямо-таки внесло потоками ливня в южный Белгород. Ничего себе экскурсия получилась! Такого разгула стихии здесь не припомнил ни один старожил.

В 1974-м был я в гостях у тетушки. В тогдашнем городе Горьком. Над тем районом, где я обитал, пронесся смерч силы необыкновенной. На своем пути он смел шифер с десятков крыш, поковырял бесчисленно здоровенных тополей, опрокинул в Волгу портовый кран и на том рассеялся.

В следующем году, когда я начинал учебу в Ленинградском инженерно-строительном институте, в городе на Неве случилось катастрофическое наводнение. Убытки от его «шалостей» исчислялись миллионами рублей, еще доперестроечных! И вот тогда-то, двадцать лет назад, впервые посетила меня Мысль. Правда, надолго не задержалась — мелькнула, как мимолетное виденье, облачком на ясном небе моего юношеского сознания и растворилась. Это позднее она четко оформилась в настоящую идею-фикс.

ИЛИ Я — ИЛИ РОССИЯ Открытое письмо

В 1981-м по распределению приехал я в автоград Тольятти. Через полгода наш самый мощный филиал Всесоюзного НИИ уверенно пошел ко дну. Головной институт в Москве все работы, а с ними и все финансы подмял под себя. Год спустя, когда я подался домой, от нашего филиала остались лишь жалкие ошметки некогда классного коллектива.

Дома, в Чепецке, устроился неплохо. Дотянули до перестройки. Но потом... Сначала сократили моего коллегу слева. Через два месяца — сотрудника справа. Тот, кто стоял за кульманом прямо передо мной, уволился сам.

...Последние три года моя идея-фикс, как ей и положено, со мной неразлучна. Понимаете, пока я был юн, мое присутствие провоцировало лишь местные ресурсы природы на различные противные катаклизмы. Я рос, мужал — и вокруг меня начали бурлить уже какие-то глобальные антисоциальные, противообщественные силы.

Вчера мне стукнуло ровно сорок. Самый расцвет для мужчины. А ведь я еще собираюсь пожить лет хотя бы двадцать. Что-то будет происходить в моей стране дальше?

Скажу честно, на себя я готов плюнуть. Но, озабоченный судьбой своей Родины, обращаюсь к вам, Граждане! Товарищи! Госпо-

КЛЯТВА НА «КАПИТАЛЕ»

В КПРФ на закрытом заседании Политсовета был заслушан секретный доклад тов. Зюганова «О стратегии гадания на кофейной гуще и тактике партии в этот период». После чего тов. Зюганов был избран верховным политвождом. Он поклялся на «Капитале» Маркса, что проведет гадание в интересах всего трудового народа и правдиво, без подтасовок, обобщит полученные данные, вплоть до последней капли кофе. Клятва неоднократно прерывалась бурными, продолжительными аплодисментами и спорадическими выкриками типа: «Слава товарищу Зюганову, верному продолжателю дела Ленина — Сталина, стойкому борцу за восстановление Госплана и Госснаба, непримиримому противнику демократии!»

Наконец состоялось собственно гадание. Всем политсоветникам разнесли по чашечке кофе, специально выращенного для этого случая коммунистами Кубы, и участники, с большевистской смелостью выкушав крепкий напиток, слили гущу на серебряное блюдо с серпами, молотами и пятиконечными звездами. Затем тов. Зюганов вынул лупу, подаренную ему оптиками Северной Кореи, и стал рассматривать в нее получившиеся на блюде разводы.

— Вижу буквы... Да-да, товарищи... Буква «С»... И вторая — «С»...

— «СС»? — ахнул Г. Селезнев. — Это провокация!

— «КПСС»? — догадалась С. Горячева.

— Третья буква «С», — не унимался Зюганов.

— Я «ССС» не знаю. «МММ» знаю, — заметил И. Кушнов.

— Есть такая рубрика в «Крокодиле», — пискнул кто-то, — «Смех Сквозь Столетия».

— Прекратите хиханьки-хаханьки! — зашикали из президиума.

— Буква «Р», — выпалил Зюганов. — «СССР»!

— Ура, товарищи! Мы победим! — обрадовались все.

А Геннадий Андреевич резюмировал:

— Даже если не победим, то дадим всей стране такой жизни, что мало не покажется!

Итоги гадания были утверждены и одобрены единогласно. Завершилось мероприятие пением «Интернационала» и «Сулико».

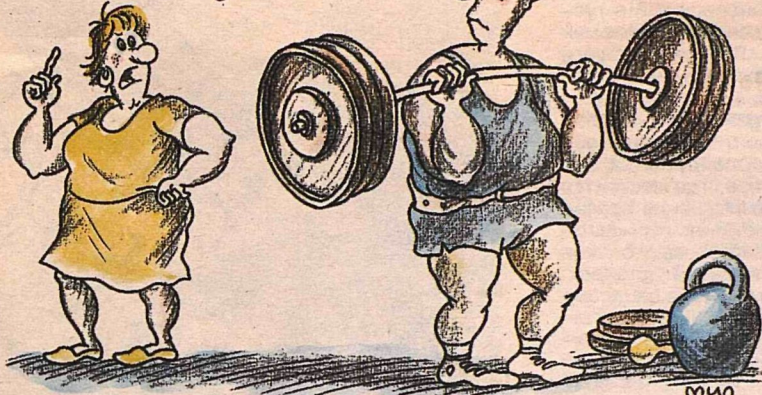
Конкурс
читателей

«ХА-ХА»
В КОНВЕРТЕ

да! Соотечественники! Не потому ли, что именно я, именно в это время, живу именно в этой стране — с ней происходит именно то, что происходит? Может быть, для общего блага нам надо от меня избавиться? С пользой для себя и на горе врагу? Давайте-ка, дорогие мои, подсоберем денюжат и отправим меня ну хотя бы в Швейцарию. Посмотрим, как они там со мною запоют! Небось быстренько зарулят во всяческие кризисы. Я как истинный патриот созрел для такой жертвы. Так что, люди добрые, спасите себя сами! С ближайших пенсий, пособий, зарплат и стипендий отстегните кто сколько сможет на билет!

Александр ТАНИОРА,
г. Кирово-Чепецк.

— Между прочим, умные люди толкают металл за границу!

В. МИЛЕЙКО.

Игорь
КИРИЛЛОВ

НОВЫЙ
ГОД —

ПРАЗДНИК НЕ ИЗ ЛЕГКИХ!

Репетиция новой
роли — благо-
дарного зри-
теля.

ДУМА ДУМАЕТ...

Из парламентских стенограмм

О ДИКАРЯХ

Т. В. Злотникова, фракция «Яблоко». Уважаемые коллеги! Давайте остановимся, остынем от эмоций, давайте хотя бы покажем, что мы в какой-то степени цивилизованные люди. Ну нельзя же так принимать решение (о преобразовании ОРТ в государственную телекомпанию. — *Ред.*) — без приглашения представителей ОРТ. Если мы не согласны с тем, что происходит на ОРТ, есть же цивилизованные пути, мы же не можем действовать, как дикари. Давайте в суд обратимся, давайте отменим... Ну так же нельзя, надо хотя бы их пригласить выступить с изложением позиции. Ну что же мы делаем-то?! (Сильный шум в зале, выкрики.)

Председательствующий (Г. Н. Селезнев). Тамара Владимировна! Уважаемые коллеги, не распяйте друг друга, дикарей в Государственной Думе нет.

О ПРЕМЬЕРСКОМ НАМОЛОТЕ

П. Т. Бурдуков, аграрная группа. ...Не так давно показывали, как Виктор Степанович Черномырдин снимался за штурвалом комбайна 1984 года выпуска. Через два-три года техника, включая этот исторический комбайн, попросту физически развалится. Кстати, нужно отметить, что Виктор Степанович намолотил целый бункер (это почти 2 тонны) и сказал, что этого ему достаточно. Однако сегодня на каждо-

го жителя страны намолочено чуть больше 400 килограммов. Это на уровне распределения хлеба по карточкам...

О ДИССЕРТАЦИЯХ

Е. Б. Мизулина, фракция «Яблоко». Уважаемый Геннадий Николаевич, уважаемые депутаты! Я с сожалением смотрю на текст этого законопроекта (о продовольственной безопасности. — *Ред.*), потому что в очередной раз чей-то автореферат кандидатской диссертации предлагают нам принять в виде закона.

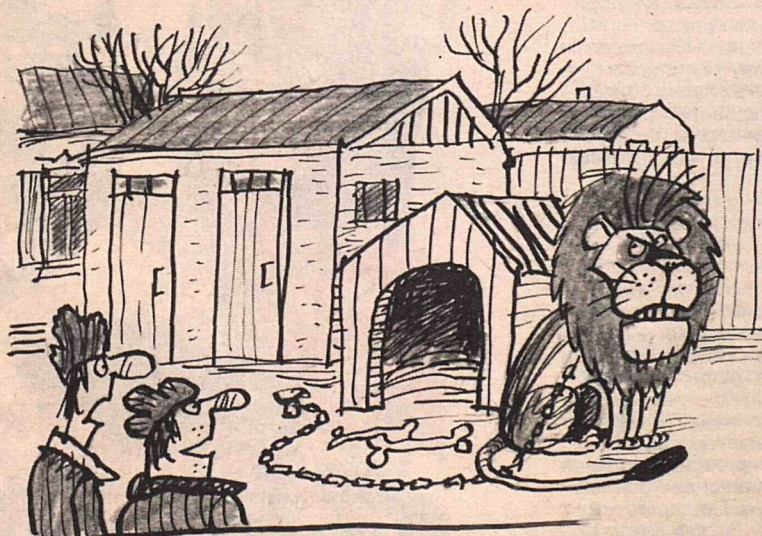
Г. В. Кулик, аграрная группа. ...Вы знаете, коллега Мизулина как раз, по-моему, сильно убедила меня и присутствующих в том, что этот закон надо принять, потому что многие законы мы принимаем не на уровне кандидатских диссертаций, как она сказала, а, по-моему, значительно более низкого качества.

О «ШЛАГБАУМЕ НАПЕРЕВЕС»

В. В. Илюшин, первый вице-премьер. ...Если у вас есть конкретный пример (незаконного вывоза крупных сумм валюты за рубеж. — *Ред.*) подобного рода (конкретный!), я готов вместе с вами, «взяв шлагбаум наперевес», биться в любую дверь, в любую инстанцию для того, чтобы удостоверить, и если эти деньги украдены, вместе постараемся, чтобы они вернулись.

И. М. Братищев, фракция КПРФ. Уважаемый Виктор Васильевич, готовы ли вы вместе с нами, как вы выразились, биться о шлагбаум с тем, чтобы Государственная Дума приняла закон об экстренных мерах по выходу из социально-экономического кризиса?

Наш парламентский корр.

— Льва приобрел, чтобы хозяйство стерег.
— Ой, смотри, сосед, украдут!

А. ВАСИЛЕНКО.

ЧКАЛОВ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

В октябре прошлого года исполнилось 60 лет нашему телевидению. У его истоков стояла диктор Всесоюзного радио, моя наставница, моя, можно сказать, крестная Ольга Сергеевна Высоцкая. Студия в 1936 году располагалась на Никольской улице. Конечно, это было экспериментальное телевидение, но передачи кое-кто уже смотрел. В Кремле-то уж наверняка.

Тогда была такая аппаратура, что человеку требовалось наложить на лицо маску-грим зеленого цвета, чтобы он стал заметен на экране. И вот в июне и в июле 1937 года совершили беспосадожные перелеты в Америку экипажи Чкалова — Байдукова — Белякова и Громова — Юмашева — Данилина. Героев решили показать по ТВ, пригласили троих. Первыми приехали Байдуков и Громов. Их обезленили.

И тут в студии появился Чкалов, который задержался в Политехническом музее на встрече с трудящимися. А после встречи, разумеется, состоялась небольшой банкетик. Когда же после банкетика Чкалов увидел зеленых Байдукова и Громова, он скорее всего подумал, что у него чертики в глазах. Ольга Сергеевна рассказывала, что летчик испугался и хотел ретироваться. Она поймала его в самых дверях:

— Не волнуйтесь, Валерий Павлович, это так надо. Сейчас мы и вас так же загримируем.

— Меня?! Ни за что!

Но в итоге все же разрешил сделать себя густо-зеленым, а потом, успокоившись, очень хорошо выступил перед камерой. Конечно, имелось указание все речи читать по бумажке. Однако Чкалов, будучи уже «под парами» и в очень хорошем настроении, ту бумажку выбросил и говорил, что хотел. Таким героем, как Валерий Чкалов, в те годы подобное дозволялось. Думаю, это было первое в стране свободное выступление в прямом эфире.

САРДИНИЯ В МАСЛЕ

В средней школе я учился средне. Мы, дети войны, не очень-то выделялись знаниями и дисциплиной. Но вот химию я любил. Тем ужаснее был мой позор, который я, много лет спустя и уже став диктором, пережил в канун давнего-давнего Нового года.

Шли «Новости», и вся информация была о том, что в стране досрочно, опережая годовой график, сдаются объекты, выполняются планы и так далее. Я читаю: досрочно на таком-то заводе пущена плавильная печь и выданы первые тонны ферросилиция. Когда в первый раз увидел этот текст, что-то кольнуло: какой-то такой еще ферросилиций? В школе-то проходили силиций. Ну, думаю, лад-

но, редактор знает что к чему, наверное, уже новое что-то открыли. В общем, еще порепетировал и — как написано, так и прочитал в эфир.

Проходит время, получаем мы отклики зрителей, все нас благодарят, поздравляют с Новым годом. И среди прочих замечаю большой конверт из Академии наук, от группы ученых-химиков. Читаю: «Поздравляем Вас с наступившим Новым годом и с открытием нового элемента Периодической таблицы — сицилия. Желаем Вам в этом году открыть еще один элемент — сардиний!»

ПОКОЙНЫЙ ЖИЛ ЕЩЕ ДОЛГО...

Было у нас в стране несколько академиков-однофамильцев. Один — физик, другой — философ, третий — еще в какой-то области знаний, сейчас уж не припоминаю. И вот умер физик, мы даем некролог. Помощником режиссера трудилась у нас тогда неопытная девочка, которая пошла в фототеку и подобрала фотографию. Прочитал я текст, показали мы на весь мир фото — а академик-то не тот! Хоронили физика, а продемонстрировали философа! Но это уже в процессе показа кто-то из наших засек.

В общем, плохо дело. А каково же, думаю, семье покойного? И каково семье живого?

Тут как тут звонок: родственница покойного. Боже мой, как она меня ругала, что она говорила! Я еще больше расстроился и, положив трубку, подумал: не дай Бог еще живой позвонит! Конечно, по всем законам жизни и театра мгновенно раздается еще один звонок. Беру трубку, уже предчувствуя недоброе. И слышу:

— Ну, здравствуй, это я. Нет, не с того света, а с этого...

Он произнес это с таким едва сдерживаемым хохотом, что лишь в моем тогдашнем состоянии можно было не уловить юмора. Я взялся лепетать, простите, мол, так уж получилось, вся группа, дескать, сходит с ума от горя и стыда. Академик перебил:

— Да я уж не потому тебе звоню. Послушай лучше, какая мне мысль ценная явилась: как же мне повезло в жизни! Ну какой еще покойник может сидеть себе дома, в халате, пить чай, смотреть телевизор и слушать о себе такие замечательные слова? Я ж таких слов больше никогда не услышу!

Ну, у меня отлегло от сердца, я говорю более спокойно:

— Вы только не пишите никому, что нам здорово влетит.

— Никому я не буду писать. Разве что вам на студию, чтоб повторили сюжет. Но вы ж не повторите...

— Не повторим, — подтвердил я, — ни за что.

— Ну вот. Так что скажи своим,

Стр. 10

Рассказ, который вы сейчас прочтете, веселый, шутливый, можно даже сказать, анекдотический. Но повод для его публикации между тем весьма серьезный: автору сего сочинения вот-вот стукнет шестьдесят.

Казалось бы, тут уж не до шуток, не до смеха и анекдотов. Но таков характер юбиляра: он всегда и ко всему относился с юмором. Или по-гоголевски — со смехом сквозь слезы.

И когда, обремененный высшим филологическим образованием, возглавлял редакцию в славном издательстве «Молодая Гвардия», и когда «ответ-секретарил» в знаменитой и по сей день «Смене». И вот уже шестнадцать лет он улыбается в «Крокодиле», хотя тяжкое бремя зама главного редактора, кое он стоически несет на своих плечах, дает для этого мало поводов.

Так уж устроен наш именинник, что его темперамент не укладывается ни в редактуру, ни в жанры редакционных прика-

зов, распоряжений, предписаний и иных циркуляров, сочинительств которых предполагает его должность. Он, этот самый темперамент, не однажды испытанный на своей шкуре его товарищами по работе, вливается в повести, рассказы, памфлеты, юморески, хорошо знакомые читателям «Крокодила» и иных изданий, в придуманные им забавные рубрики, турниры, конкурсы и прочие творческие ристалища, столь высоко ценимые поклонниками нашего журнала.

Чего стоит один только длящийся уже многие годы рожденный юбилеем сатирико-поэтический эскадрильный кура-тай* «Трусой на Парнас»! Словом, у нас, его друзей и коллег, есть все основания вместе с вами, дорогие наши читатели, поздравить Владислава Георгиевича со знаменательным событием в его жизни, пожелать ему и впредь столь же щедро улыбаться и следующий свой юбилей отметить в «Крокодиле».

Предупреждает дядя, что 60 не за горами!

* Турнир (тюрк.).

А тихих ногах Мюллер подкрался к Анке и жгуче зашептал в ухо: — Я вас расколол — вы русская радистка-пулеметчица! Выбирайте: или мы со Штирлицем... — Василь Иванович! — заголосила Анка. — Группенфюрер к группенсексу склоняет!

На полном скаку вздыбил Чапай лихого коня, спрыгнул в тачанку и вдарил родимой «максимкиной» струей по чужемордному гестаповцу. Да не заладилось дело — попал в Феликса Эдмундовича, ненароком снувшегося под прицел. Хорошо, что тот вовсе даже не убит, а всего лишь внутренне рассмеялся. Стыло кутаясь в любимую допяточную шинель, не допуская к железному телу мартемовский жар, иступленно лившийся с полуденного июльского неба, он продолжил мерную поступь к уютному костерку, зазывно потрескивающему на берегу экологически коварной Клязьмы. Но не духовитый шашлык примагничивал ферумного чекиста, а духовная родня, по-хозяйски разметающаяся на травке. В просторном шалаше береглись от жарыни Ульянов, Тулин, Карпов, Иванов, Ленин и Крупский. А прямо подле огня валялись жаростойкие Сосо, Коба, Сталин и Джугашвили. Последний ладил набойки на каблучки Крупской, которая с оцепенелыми от усердия глазами училась кашеварить у желторотой Галины Бланки.

— Владимир Ильич, а я к вам в гости каждый год захаживаю — в мавзолей! — радостно признался Василь Иванович, тормозя лаптей разлетевшуюся тачанку.

— Вегной догоги хаживаете, товарищ, — одобрил вождь. — Но вы не одиноки в своем похвальном гвении. Я, знаете ли, батенька, тоже частенько туда наведываюсь — посмотреть, как смотгось, не пгнать ли балъзамчику, не нуждаюсь ли в какой запчаста. За всем ведь глаз да глаз нужен — живем в окружении вгагов, пгоститутков и пгочего дегма.

— Да я их всех... за вас... за III Интернационал... — И от избытка чувств комдив дал три длинных очереди.

— Только так, голубчик! Чем больше гасстгелов, тем крепче госудагство и геволуция. И никому никакой пощады, особенно гнилым интеллигентшкам-демократишкам и вновь заживовавшим попам. Спасите нагод от хгама Хгиста Спасителя. Газгушьте нагавленным взгывом это адово вместилище опиума, гегоина, ЛСД!

От костра густо потянуло паленой шерстью, горелым мясом и истощным воем Мартина Бормана: искристо-дымная головешка выводила на его груди свастику. Это Лаврентий Палыч доказывал партайгеноссе преимущества сермяжных методов дознания перед электронными — всякими там детекторами лжи. Уже на первой загогулине вице-фюрер признался в иудейском происхождении и в своей победе на выборах в израильский кнессет под именем Биньямина Нетаньяху.

Меланхолично потроша в трубку «Герцеговину флор», Сталин киношно прятал улыбку в пугающие мир усы и анестезировал подсудственного:

— Мартын, н думай о плохом. И н крычи так громко. Лучше послушай, как шумят камыш, птычки поют... Может, больше нз услышишь... Мой Лаврентий, он такой орел...

лите из краденых армейских стволов...»

— Не хочу палить — мне претит всякое насилие над личностью, — сказала Муму Герасиму. — Кроме личности нашей барыни. Разыщи ее и покатай на лодке. — И судьбоносно заглянула в зрачки Герасиму.

Сторонкой неприметно прошлепал взъерошенный, сутулый, вислоносый старикан... а может, и не старикан... Толпа зевая не обратила на него внимания, зато дружно повернула головы, будто на одной шее, в сторону реки: оттуда по мелкой траве «всухую» вальсировала элегантная пара — Наташа Ростова и поручик Ржевский.

— Мадмуазель, вы знаете, чем отличается моя полковая лошадь от жены Брынцалова? — хитровански прокурлыкал гусар. И, разрываемый восторгом, преподнес: — У лошади круп в яблоках, а у мадам — в долларах!

— Вы пошляк, поручик! — Гневная затрещина врезалась ему в ухо.

— Господа, ко мне! — завопил Ржевский, бросая Наташу и вскакивая на кражистый пенъ. — Ко мне, патриоты! Русская рулетка! Только для истинных храбрецов! Доллар — пуля! — орал он, размахивая револьвером и выгребая из гусарского ментика пригорню патронов.

Тотчас к поручику-коммерсанту выстроилась очередь из «новых», желающих блеснуть отвагой перед своими герл-френдс и оживленной толпой звака... Зашуршала «зелень», и боеприпасы расхватали вмиг... Закрутился барабан, побледнели лица, защелкал курок, завзвизгивал прелестный пол, заворужено глядя на контакты виска и дула... Однако роковых последствий почему-то упорно не наступало. Пощекотать нервы видом кровавых тел публике не удавалось.

И тут Ржевский, набитый валютой и ликованием, колонулся:

— Так я пули-то лил из говна-с — они к дулу прилипают!.. Зачем мне жертвы, я же не киллер.

В жарыне снова врезался радиоголос: «Президент-бомонд уже может вразвалочку тянуться к косоугору. Устав Лиги ЗАГ предусматривает — в случае большого наплыва участников — образование фракций, каждая из которых выставит единого анекдотного травильщика... Наплыв налицо. Гуртуйтесь, кто еще не в гурте».

«Какая я, однако, молодчинка — давно сгуртовалась», — обрадовался Чукча, выгоняя на косогор оленье стадо.

«Неужели придется снюхиваться с гестаповским отребьем? — с горечью подумал Штирлиц. — Вчера пригрозили: не заплатишь за явочную квартиру — вышвырнем рацию на улицу... Тоже туда же — рынок, видишь ли». И отбил шифровку в Центр: «Взяли за горло. Явку оплатил. Халява накрылась. Юстас». Алекс приказал: «Отомсти адекватно — не выдвигайся в президенты: гитлеровская нечисть мечтает пролезть в ЗАГ, но без тебя у нее нулевые шансы».

Зажимая от отвращения нос, Штирлиц взял курс на запах паленой шерсти, неся в карманах два рельефных кукиша для Бормана и Мюллера. По дороге хотел было сыграть в «Русскую рулетку», чтобы разом покончить с изнурительной двойной жизнью, но внезапно его потянул за рукав мальчиш по имени Вовочка.

— Дядя, вы чего такой смурной? Давайте рассмешу... Приходит Вовочка на таможню: «Хочу заняться

— Эй, мужики, здесь, что ль, анекдотная презентация? — гаркнул из тупорылого джипа Новый русский.

Дзержинский ткнул в него железным пальцем и по-мооровски грозно спросил: «А ты записался в спонсоры?» Моторизованная ватага «новых» смущенно полезла за бумажниками. А невидимый в густой березовой шевелюре динамик впадал уточнил: «Вы присутствуете на Учредительном съезде-пикнике Лиги Знаменитых анекдотных героев (ЗАГ). После раскованных гулянок и нерегламентированных общений персонажи сойдутся на Загорянском косоугоре, где состоится церемония провозглашения президента Лиги. Им станет тот «заговец», который загнет сам о себе наиболее язвительный анекдот. Что укажет на отсутствие синдрома Нарцисса и почтение ко всем членам Лиги — этого монолита, призванного противостоять косной внешней среде, неизменно возглавляемой безголовыми... На съезде-пикнике присутствуют почетные зарубежные гости: габровцы и шотландцы, сэры и ковбои, полицейские и воры, а также приглашенные поименно: Черчилль и Рузвельт, Шоу и Твен, Холмс и Ватсон... Из гостей уже сформировано международное жюри. Общий сбор кандидатов — в 17 часов пополудни. А пока вас не скрутила жесткая лиговская дисциплина, чревоугодничайте, прелюбодействуйте, па-

Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ

Штирлиц в со...

ЭПИЧЕСКАЯ БУФФОНАДА

торговлей живым товаром». — «Сбрэндил? Она за-
прещена!» — «Вот я и хочу, чтобы вы разрешили». —
«А где товар будешь брать?» — «На Птичьем рынке.
А вы о чем подумали?!»

Занятый своими заботами, Штирлиц не врубился в
пионерскую хохмочку.

— Не въехал, — сказал он.

— Дяденька, а ведь вы соборете даже носорога...

Штирлиц польщенно улыбнулся:

— Я кажусь тебе таким же сильным?

— Нет, таким же тупым!

«Какие Кибальчиши подрастают! — умилился
Штирлиц. — Будет кому шпионить в НАТО».

...Взъерошенный, сутулый, вислоносый, сторонкой
неприметно прошаркал старикан... а может, и не ста-
рикан...

«Где я с ним пересекался? — напрягся Штирлиц. —
В Берне?.. Но ведь и в Мюнхене... И в Варшаве... и в
Париже... и в Жмеринке... Да везде!»

— Это вы, Рабинович?!

— Ну что Рабинович, что? Ну, я, да, я. И что? Всем
дался Рабинович...

— Ну, мне-то вы действительно нужны. Давайте
сколотим фракцию. По национальному признаку: вы,
я и вон Чукча с оленями, а?

— Фракции, фрикции, фикции... Вы шутите, герр
Штирлиц: нацист, не замеченный в порочащих его
связях, и насквозь порочный еврей-космополит, чье
место в нашем Освенциме.

— Да Бог с вами, какой же я нацист!

— Ай, бросьте, товарищ Исаев, разве КГБ лучше!..
Нет, Рабинович как копил небо сам по себе, так и
будет. Ненадежный элемент, любого продаст по тру-
сости и перепродаст. Он верен только своей Саре...
Ну, еще Иде, Аде, Суламифи...

— Да не можете вы сами по себе, Соломон Моисе-
евич, с вашей-то энергией. Куда ни глянь, вы — всю-
ду.

— Да, — гордо сказал Рабинович, — Агасфер — это
что-то! Все-то я должен знать, всему найти соломо-
ново решение. Иначе чего бы я скитался по Земле и
по этой паршивой Клязьме...

Резко захрюкал динамик, и над косогором разнес-
лось:

— На президентский помост от фракции вождей
приглашается Леонид Ильич Брежнев.

— Спасибо, дорогие тоуарышы... что избрали ме-
ня... президентом СССР... Что? Какая еще Лига?.. Ге-
роев анекдотов?.. Так я четырежды Герой!.. И анек-
доты люблю... Между прочим, меня просили вам ка-
кой-то рассказать... Нет, забыл... Наверно, у меня
сели батарейки... Сейчас посмотрю срок годности...

Ильича-2 спешно унесли на покой. После чего к
микрофону, прогибая доски, подплыла Жена от бло-
ка «Мужья — Жены» и в короткой байке с презрени-
ем доказала, что все мужики суть ничтожество. По ее
столам поковылял и дохлый Большой от альянса
«Доктор — Пациент», поставив глубокую клизму
медперсоналу. Квадратный прапор нагло пробасил
стоеросовый анекдот про старшего по званию — по-
ручника Ржевского, а тот, в свою очередь, изрядно на-
поддал гаишникам за дискриминацию конной тяги.
Банкир из «Новых русских», оглаживая галстук с де-
тородным органом в виде Эйфелевой башни, кокет-
ливо ушучил за борзых щенков налоговую полицию...
На фоне этих перекрестных покусов английским лор-
дом предстал Петька, выдвинутый молодежкой
«Тройкой» (Петька, Анка, Вовочка): он никого не уел.
Правда, и анекдота не загнул. Ординарец был неор-
динарен. «В чем корень жизни?» — спросил он, верти-
кально зафиксировав палец у носа. — А в том, чтобы
вовремя свести кобылу к жеребцу». И ушел, весь из
себя серьезный... Но Петькина нутряная философия
возымела обратное действие — распотешила зрите-
лей похлеще анекдотов, и они чуть было не прозева-
ли новую диковину.

Презрев ступени и пувств в ход абордажные кры-
чя, помост захватила семейка Шариковых в составе
Шарикова, Лени Голубкова и Анпилова. На правах
телемена микрофон уверенно цапнул Леня:

— Купил Леня Голубков своей Рите скороварку. А
жена удивляется, на кой, мол, она — ты же любишь
заглатывать сырое мясо, как твой дедушка в юнос-
ти... — И Леня выразительно глянул на старшего Ша-
рикова.

— А ну, отвали, Иуда! — протаранил Леня бок
Анпилов. — Как будущий шеф ТВ я аннулирую твою
антипартийную побреухушку и требую занести в про-
токол мою, идеологически выдержанную и прозорли-
вую... Приходит Ельцин в аптеку и просит сто тонн
скипидару. «Что вы, — говорит провизор, — мы едва
кило-то наскребем, да и зачем вам столько?» — «А
чтобы, не дожидаясь следующих президентских вы-
боров, — глаголет друг МВФ и Клинтона, — всем нам,
хриstopродавцам-реформаторам, реактивно дать
деру — не то русский народ развесит нас в виде све-
тильников вдоль трасс...»

Из толпы кто-то крикнул: «А кто тогда с вами ос-
танется, кроме бабуль-дедуль?» Анпилов победно
вскинул кулак:

— С нами Пушкин и Достоевский, которых демо-
краты вырвали из учебников, с нами Иван Грозный и
Малюта Скуратов, с нами НКВД и ГКЧП... Остальных
отрихтуем!

Переждав ржачку и улюлюканье, недоуменный ра-
диоголос остановил следующего трибуна: «Господа

претенденты, жюри напоминает: вы должны язвить
на свой, а не на чужой счет!.. Вам ясно, госпожа Му-
му?»

— Движению «Мир животных» давно все ясно...
Записался Чукча на прием к начальнику Чукотки.
«Открываю, однако, публичный дом — лицензию да-
вай». — «А кадры, однако, у тебя есть?» — «Телки-
то? Да сколько хочешь, начальник, сам погляди». Вы-
сунулся тот из окна, а внизу стадо юных оленей уже
страстно мычит.

— Сама дура! — закричал с места Чукча. — Можно,
однако, сказать — сучка! — И запустил в Муму кам-
нем. — А Чукча умная. Почти как Штирлиц... Когда ему
на лоб села муха, Штирлиц сразу понял: «Следят!»
Чукча тоже поняла — и радостно прихлопнула на сво-
ем лбу слепня.

Штирлиц смущенно покачал головой, призывая Ра-
биновича в свидетели царствующей глупости. Тот со-
чувственно вздохнул: «Вы еще реагируете на короно-
ванную особу? Я с вас смеюсь, гражданин штандар-
тен-полковник...» — И нехотя поплелся на помост в
качестве частного лица.

— Вам это нужно — видеть меня? — спросил он в
микрофон. — Если кто-то подзабыл, как выглядит
Рабинович, пусть переберет в памяти своих знако-
мых... Так вот, звонит Рабинович другу Пушкина —
Анпилову: «Это правда, что демократы, не выговари-
вающие букву «р», распродают Россию?» — «Рабино-
вичи ее распродали, явные и скрытые — гайдары, чу-
байсы, ельцины...» — «Я — Рабинович явный, так где
я могу получить свою львиную долю?» — Рабинович
сделал всем ручкой. — Вот вечно они так, эти вечные
жиды...

Финальная реплика возбудила облепившие косогор
толпы, плеснувшись в жарынь одобрительными вол-
нами гогота, посвиста и «изысканных» междометий.
«Хрю-хрю», — привычно сказал динамик и захлеб-
нулся пороссячим визгом, после чего в его утробе
бухнуло взрывное устройство. Косогор замер в сла-
достном волнении: теракты издавна сделались при-
метой и украшением всякого солидного российского
мероприятия. Однако, ко всеобщему разочарованию,
выноса тел опять не дождался, пришлось умыться
выползшим с черного хода и, конечно же, дискреди-
тирующим Лигу слушком: рванул перегревшийся бал-
лон с пивом... И вдруг с неожиданной чистотой дина-
мик заявил:

— Экспресс-анализ выступлений бомонда глубоко
травмировал жюри: все безбожно поносили конку-
рентов, грубо поправ хребтовое установление турни-
ра — смеяться над собой. Посему представшие ин-
триганами соискатели чохом дисквалифицируются.
За исключением Рабиновича. Который, во-первых, не
макал коллег в предмет ассенизации, во-вторых,
вроде бы поиронизировал над собственной алчно-
стью, хотя одновременно возвысил себя супернаход-
чивостью. Но итоговая реплика, лежащая, правда,
за пределами анекдота, убедила жюри в достаточно
трезвой и даже саркастической оценке претендентом
своей персоны... По совокупности факторов между-
народное жюри во главе с Уинстоном Черчиллем тор-
жественно провозглашает президентом Лиги Знаме-
нитых анекдотных героев Рабиновича Соломона Мо-
исеевича!

Еще не отрокотало анекдотическое «Ура!» в честь
Моисеича, как его тотчас нарекли массы, а он уже
попросил передать ему микрофон с помоста.

— Может, кому-то и кажется, что президент и Ра-
бинович — близнецы-братья, но они только дальние
родственники. И им лучше не сливаться в экстазе. Вы
спросите у меня, зачем же я вляпался в президент-
скую гонку наподобие Зюганова. Я вам отвечаю: я про-
сто проходил мимо. Дай, думаю, погляжу на ядовитых
людей. И, представьте, поглядел, а другого дела в
данном месте я не имею. Так что спасибо вам и до
свиданья...

— Э-э, нет! — сказала радиоголосом жюри во гла-
ве с У. Черчиллем. — Шалишь, мы так не договарива-
лись. Выиграл — заступай в должность!

— Не могу, — бесконфликтно развел ручки Раби-
нович. — У вас российская Лига, а я прописан в Одес-
се. Может, слышали — это такое суверенное государ-
ство...

Жюри невнятно зашуршало в динамике, явно
сбитое с толку. После неприличной паузы оно
проняло:

— Но ведь тогда Лига лопнет, не родив-
шись! Грандиозная же идея — объединить-
ся...

— Нарциссов в колхоз не загонишь. У
каждого своя тучная нива, и каждый
жнет ее на свой лад. С чего бы Ржев-
скому гуртоваться с Агасфером?

— Бросьте демагогию, Рабино-
вич! Как говорили Ельцин с
Лужковым, вместе победим.
Берите бразды, вставайте у
кормила — и вперед, заре
навстречу!

— Не дождетесь!

И пошкандыбал к
большой дороге —
взъерошенный,
сутулый, висло-
носый...

чтоб они не плакали и не переживали — я теперь проживу сто лет.

И действительно, он прожил почти век — 96 лет. Наверное, благодаря доброму чувству юмора.

ЧЕКУШКА ПОД СТОЛОМ

Вы будете смеяться, как говорят в Одессе, но Новый год для меня всегда был очень тяжелым праздником. Во-первых, потому, что в этот день у моей тещи был день рождения. И во-вторых, я никогда не мог позволить себе выпить более одной рюмки коньяка и — максимум — фужера шампанского. Так как всегда боялся, что 1 января меня внезапно вызовут в студию. Что и случалось неоднократно за мои дикторские сорок лет. Но безвыходных положений не бывает.

Как-то в первый день одного из 60-х годов (напомню: тогда весь эфир был «живым») мы с моей коллегой Люсей Соколовой сидели за столиком, объявляли концертные номера. На столике перед нами стоял сидр, а под столом... бутылочка коньячка. В середине новогоднего концерта у нас уже блеснули глаза. Но этого никто не замечал, потому что и мы, и все в студии, и все перед экранами телевизоров были к тому часу в одинаковом состоянии.

КАМЕННЫЕ ГОСТИ

Однажды на праздники в Москву приехал Фидель Кастро. Мы, как всегда, вели прямой репортаж с Красной площади. И один наш замечательный комментатор, впоследствии известный политический обозреватель, взял микрофон в тот самый момент, когда Хрущев с гостем и свитой подошли к калиточке за Мавзолеем, чтобы подняться на трибуну, и стал горячо вещать:

— А теперь — внимание! Внимание! Говорит и показывает Москва! Мы с вами на Красной площади! Смотрите, смотрите: руководители партии и советского правительства с высоким гостем выходят из кремлевской стены!

АШКЕНАЗИ ИГРАЛ В КАЛОШАХ

Обаяние Гагарина не поддается описанию. Я имел счастье вести передачу 14 апреля 1961 года, когда после приема в Кремле космонавт приехал на телевидение. Такого стечения народа в студии я не видел никогда. Мы с Валентиной Леонтьевой и Анной Шиловой вели программу, люди приезжали с подарками для героя космоса, поздравляли его и говорили речи...

От имени артистов и ВТО, которым он тогда руководил, свои теплые слова приехал сказать Михаил Жаров. А от Большого театра должны были поздравлений произойти парадоксальный случай: Жаров, получив слово, стал от волнения заикаться. И все почему-то решили, что Михаил Иванович «под градусом», хотя на самом деле он был совершенно трезв. Михайлов же с Козловским действительно перед передачей опрокинули рюмочку-другую, посидели под жаркими софитами в ожидании очереди к микрофону, и их, как говорится, развезло. Да так, что вышли качаясь!

Так вот, качаются они перед камерой и — молчат. Наступает неловкая пауза, но что мы можем сделать? Раскачиваются и раскачиваются артисты в унисон! У нас лица вытягиваются. Ужас!

И вдруг они дуэтом запевают «Не людимое наше море, день и ночь шумит оно...». Как потом выяснилось, это была любимая песня Юрия Гагарина. Словом, из положения, в которое они поставили себя сами, артисты вышли блестяще.

После этой торжественной части должен был начаться «Огонек», на который пригласили многих эстрадных «звезд». Но поздравления про-

шли в таком радостном, бойком темпе, что закончились минут на сорок раньше намеченного. Перешли мы в другую студию, где уже были столики накрыты, усадили Гагарина на самое видное и почетное место, смотрим — а многих «звезд» еще нет. Вот-вот включают камеры, а у меня ноги из-за этой накладки подкашиваются. В панике кидаюсь к Мирову и Новицкому, с которыми должен вести «Огонек».

— Что делать? Что делать?

— Чего ты волнуешься? — отвечает Миров. — Мы что, не артисты? Вот Новицкий — артист, ты — артист, я — тоже. Сейчас мы что-нибудь придумаем. Ты нам, главное, подыгрывай.

И они со мной симпровизировали сценку в эфире на тему: мол, хорошо бы улететь от жены в космос недельки на две! Сценка прошла на ура... «Звезд» тем не менее до сих пор нет. Тогда стали обыгрывать тему тещи. Вот от тещи, дескать, хорошо бы улететь месяца на три. Н-да... Прошла и теща. А «звезд» все нет!

В это время в студии появилась одна певица (имя не буду называть, хоть оно сейчас просто знаменито). Мы ее встретили как родную! Потаскили на эстраду к микрофону. Она заверещала: «Ой, да я ж не одета!» Милов мгновенно нашелся: «Это вы — не одета? Да вы — настоящая Одетта! Вы — Офелия! Нимфа!» А сам ей на ухо объясняет ситуацию — выручайте, у нас никого, а эфир идет.

Тут, к счастью, подоспел пианист Ашкенази, и его, еще не раздетого, поволокли к инструменту. Пианист взмолился: «Мне калоши надо снять!» Милов в ответ: «Не-не-не! Какие еще калоши, играй в них, а то простудишься!» Вот на таком импровизе, на таком полете и прошел тот вечер. Пока не подоспели остальные, певица исполнила по просьбе Юрия Алексеевича немало прекрасных песен.

СХОДИЛ, ПОДУМАЛ...

Вели как-то первомаяский репортаж из промерзшей за зиму Спасской башни. Есть в ней под курантами площадочка, откуда через бойницы видна почти вся Красная площадь. Отопления, конечно, никакого, холод собак, хоть двадцать шуб надевай — не поможет. Как не помогают и валенки, и горячий глинтвейн.

А с нами был журналист Евгений Рябчиков, человек с богатой фантазией. Наступил момент, когда потребовалось ему спуститься вниз: мы туда, промерзнув, часто бегали. Ушел он, вскоре возвратился, застегивая на ходу штаны, и вдруг бурно прорывается к микрофону. Мы с удивлением отдаем ему место: что ж он такого первомаяского мог в кремлевском туалете увидеть? А тот радостно провозгласил:

— Товарищи! Вот только что я был внизу...

(Боже мой, обалдели мы, неужели сейчас скажет, где именно был внизу?) А он продолжил:

— ...внизу, на Красной площади. Я встречался с англичанами, с немцами, французами, американцами... И как же они восторгаются нашим Первомаем!..

И далее в красках выдал идеологически замечательный текст. Вот что значит журналист-профессионал!

СЛОВО — ЗОЛОТО!

Лет двадцать назад, когда все надо было «доставать», зашел я купить жене плащ, собираясь подарить его на день рождения. Продавец в универсаме меня узнал и начал: «Что бы вы хотели? Сейчас организуем». Я говорю — плащ. Он говорит: «Лучше вы ей шубу подарите, нам как раз классные шубы завезли».

Я говорю: «Извините, а какова же цена?» Он назвал огромную сумму, чуть ли не пять тысяч. Столько тогда машина стоила.

Я улыбнулся в ответ: «Знаете, если б у меня в кармане шуршало... А у меня в кармане всего лишь звенит. Поэтому я ограничусь плащом». — «Что вы меня разыгрываете! А то я не знаю, сколько дикторы зарабатывают!» — «А-а... Гм... И сколько же?»

— «Да ладно прикидываться». — «Нет, вы уж скажите: сколько?» — «Да вы же за каждое слово 10 копеек получаете!»

Я рассмеялся: «Знаете, дорогой мой, если б я действительно получал 10 копеек за каждое слово, я б не умолкал ни на минуту! И тогда-то в самом деле мог бы себе позволить купить жене эту шубу».

Но он, конечно, мне не поверил. А зря.

ГОЛОС ЗА СПИНОЙ

Ольга Сергеевна Высоцкая говорила мне, что Рубикон известности надо перейти решительно и снисходительно. «Вокруг тебя ходят люди не менее талантливые, — учила она, — но их судьба так сложилась, что они не появляются каждый день на экране. А ты, которого в лицо знает вся страна, всего лишь звено в длинной цепи информации, которую готовят многие профессионалы».

Все это теоретически я понимал, но практически... Пачками приходили письма, где меня хвалили и объяснялись в любви. Что ж еще надо, чтобы почувствовать себя гениальным и незаменимым?

И вот однажды я вел с ВДНХ передачу для чехословацкого телевидения. Готовясь к эфиру, стоял у павильона «Космос», учил текст. И вдруг услышал, как женщина ворчит за моей спиной:

— А ты знаешь, я этого Кириллова не люблю, не нравится он мне. Балабаш — другое дело!

Во мне все замерло, затрепетало: «Ка-ак? Ме-еня?! Могут не любить?! Как посмели!»

Но в ту же секунду я вспомнил совет Ольги Сергеевны и подумал: какой же я идиот! И непроизвольно начал истерически хохотать. Над собой. Прямо не мог остановиться. Приводя, наверное, в изумление вездеховскую публику. Очень было стыдно за свое высокомерие. И этот маленький эпизодик стал для меня блистательным уроком на всю оставшуюся жизнь. А женщину-критиканку я вспоминаю теперь с благодарностью.

Хорошо бы и нашим сегодняшним телезвездам так повезло, как мне. Чтоб им хотя бы раз послышался вездливый, критический голос за спиной...

Прслушал веселые последние известия Евг. ОБУХОВ.

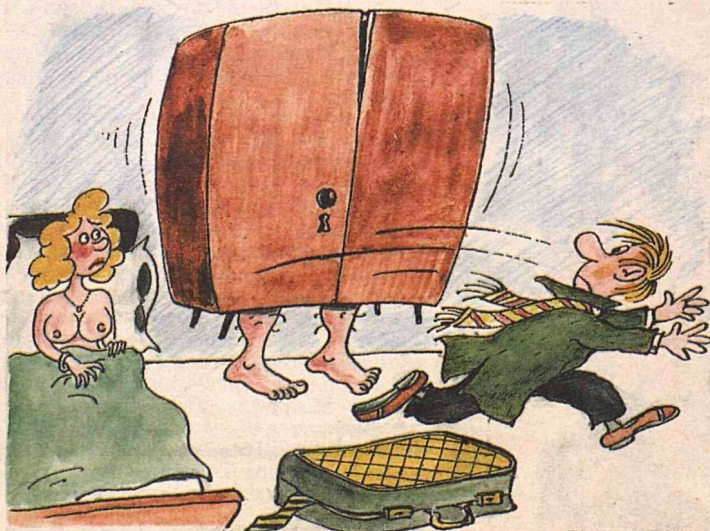
Секс-минутка

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, А. АНДРЕЕВ (тема).

В. МИЛЕЙКО.

В. ЛУГОВКИН.

Судейская коллегия читательского забега к поэтической вершине, сбросив в память редакционного компьютера протоколы прошлогодних состязаний, пулынула из стартового пистолета в звездное новогоднее небо. Эффект не хуже, чем от бутылки шампанского. И вот уже участники I этапа 1997 года, успешно преодолевая постзастольное переутомление, трусят сквозь белы снега вперед, к Парнасу. Внимательный болельщик видит в лидирующей группе новые таланты. Массовость — вот девиз нашего турнира. Подтягивайтесь, господа ювеналы, еще не успевшие сложить четыре отменных строки и запечатлеть их на открытке. Берите пример с ветерана «Трусцы», который хорошо разбежался еще в прошлом году, а посему красиво финиширует в данном этапе. Венок с тремястами «штуками» — победителю! Его имя, как всегда, на задней обложке.

РАЗМЫШЛЕНИЯ БЮДЖЕТНИКА

Я сегодня не был на базаре:
Долго жить все деньги приказали.
Только как мне выполнить приказ?
Это ж денег требует как раз!

Анатолий АНИСЕНКО,
г. Кузнецк.

КТО ЕСТЬ КТО

Нет звания «творец»,
Нет профессии «делец».
Просто первый любит

строить,
А второй мастак присвоить!

Л. БУСАЛАЕВ,
г. Пермь.

РАЦПРЕДЛОЖЕНИЕ

Генералам-воротилам,
Помня сроки носки,
Выдавать вместо мундиров
Кителя в полоску.

Федор КОНОНЕНКО,
г. Калуга.

В магазин за вермишелью
Выйти опасаясь я:

Больно цены озверели,
На людей бросаются.

Ирина ПОЛЕССНАЯ,
г. Барабинск.

Я с машиной уже
Сплю неделю в гараже.
«Жигули» вы, «Жигули»,
Как бы вас не увели!

Юрий КОВЯЗИН,
г. Каменск-Уральск.

О ВЕЧНОМ

Когда еще совсем был мал,
Смотреть я начал сериал.
Теперь с седой бородой
Я жду развязки роковой.

Алексей МАРЧЕНКО,
г. Москва.

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

ЧТО-ТО СО СЛУХОМ

Американский юморист 20-х годов Уилл Роджерс заключил пари, что ему удастся на официальном приеме рассмешить весьма неувлечивого президента США Калвина Кулиджа. И вот Роджерса представили президенту.

— Кулидж, — отрекомендовался тот в ответ.

— Простите, я не расслышал вашу фамилию, — переспросил Роджерс.

Кулидж расхохотался. Пари было выиграно.

ДВОРЦОВЫЙ РЕГЛАМЕНТ

В Эрмитаже в Санкт-Петербурге висит с «тех еще» времен небольшая черная доска, окантованная золотым багетом. Это «Правила поступать всем входящим в сии двери», утвержденные Екатериной II для сведения гостей, приглашенных во дворец на ассамблею:

«1. Оставить все чины вне дверей равномерно, как и шляпы, а наипаче шпаги.

2. Местничество и спесь или тому

что-либо подобное, когда бы то случилось, оставить у дверей.

3. Быть веселым, однако ничего не портить и не ломать и ничего не грызть.

4. Садиться, стоять, ходить кто как заблагорассудит, несмотря ни на кого.

5. Говорить умеренно и не очень громко, дабы у прочих тамо находящихся уши или голова не заболели.

6. Спорить без сердца и без горячности.

7. Не вздыхать и не зевать и никому скуки или тягости не наносить.

8. Во всех невинных затеях что один вздумает, другим к тому приставать.

9. Кушать сладко и вкусно, а пить с умеренностью, дабы всякий всегда мог найти свои ноги, выходя из дверей.

10. Ссоры (так! — А. С.) из избы не выносить, а что войдет в одно ухо, то бы вышло в другое прежде, нежели выступят из дверей.

А кто против десяти статей проступится, того больше не допускать».

Анатолий САФОНОВ,
г. Москва.

В. ФЕДОРОВ

Яблоко и яблоня

Что и говорить, милицмейская служба не располагает к телячьим нежностям. И все же бывает, екнет вдруг что-то в груди у закаленного стража порядка.

Вот какой трогательный случай имел место в одном из московских отделений милиции, неподалеку от Павелецкого вокзала. Туда с этого вокзала доставили парня бомжистого вида за попытку увести у пассажира чемодан. Чуть позже за подобное прегрешение привели бомжиху лет пятидесяти.

а не выйдет ли из подполья очередной фальшивомонетчик, падакий до мяса мелкого рогатого скота.

Показание с них снимали временно. Известное дело, милицию в первую очередь интересует, кто конкретно к ним пожаловал. Документы спрашивают, фамилию, москвич или приезжий. Ну, документов у доставленных при себе не оказалось. А назвались они так:

— Аверьянова Нина Васильевна.

— Аверьянов Николай Семенович.

Причем дама, услышав, как зовут парня, как-то востропнула и стала пристально в него вглядываться. А узнав, что он из Костромской области, вскопчила и задала ему вопрос:

— А отца твоего как по батюшке?

— Петрович. Он кровельщиком был, по пьяной лавочке убили, крышу в соседней деревне перекрывал и наверху.

Тут женщина заключила парня в объятия:

— Коля, сынок, ты, что ли?! Оказалось, что это мать и сын. Сынок еще в детстве убежал из дому, беспризорничал, отбывал сроки за кражи, а мать превратилась в скитальцу из-за водки, пропив всю свою недвижимость.

Попробуй тут не растрогайся: хоть и бомжи, а тоже люди. Замокнули стражи порядка из деликатности и даже чаем напоили доставленных. Ну а потом снова за протокол — служба есть служба.

Дежурный «уголовник»
Ю. КАЗАНЦЕВ.

«СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ, СКАЖИ...»

Более скромно прошли гадания в Аграрной партии. М. Лапшин и В. Стародубцев сели в полночь в лесу на пенек и, глядя в зеркальца от комбайна «Кубань», пытались рассмотреть своих «суженых-ряженных».

Вместо этого первый увидел возрожденные колхозы с их знаменитыми трудовыми и закрома Родины, ломящиеся от закупленной на валюту канадской пшеницы. А второй как бы различил по всей стране гигантские костры, где сжигают «ножки Буша», а также с радостью разглядывал воскресшие после этого привычно-знакомые «колбасные» электрички, едущие в Москву за отечественной колбасой по 2.20.

По окончании гадания оба аграрника крепко обнялись, сказали друг другу «Любо!» и разъехались по собственным особнякам, выстроенным на скромные доходы сельской номенклатуры.

По школе — пли!

Общеизвестно, что телефонизация на руку малолетним лодырям и разгильдяям. Не выучил урок современный Митрофанушка — снимает трубку и измененным голосом (прищепка на нос) информирует милицию или педагогов о заложенной в школе бомбе.

День гульбы обеспечен — никто не морочит тебе голову всякой мудрашней, не терзает надоедливыми вопросами. Единственный минус: назавтра та же учебная канитель. Поэтому школьники понемногу переходят к более радикальным способам срыва занятий. В Красноярске, например, недавно правду метнули в окно школы

Криминальная тяга к шашлыку

Есть факт, который позволяет сделать умозаключение: среди фальшивомонетчиков растет тяга к шашлыку из барака. Объясняется это, возможно, изнурительностью и кропотливостью труда подпольных художников, организм которых требует настоящей мужской еды.

А факт такой: в Рутульском районе Дагестана некие заготовители скота купили у населения 55 барашков — всего на 9 млн. рублей. Расплачивались пятидесятирублевыми купюрами, которые — все до одной — оказались фальшивыми. Поскольку преступники еще не найдены, милиции остается только внимательно наблюдать:

— Бандитов будем брать живыми. Патронов нет!..

А. ВАСИЛЕНКО.

Стр. 13

УГОЛОК
УГОЛОВНИ

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО «НЕЛЬЗЯ»

БЕССМЕРТНЫЙ
«ОРГАНЧИК»

Помните щедринского градоначальника Дементия Варламовича Брудастого, прозванного в народе «Органчиком»? Того самого, что на высокую должность был «назначен впопыхах и имел в голове некоторое особое устройство», кое на всякое проявление глуповцами расторопности, радения и свободомыслия реагировало двумя «нетрудными музыкальными пьесами»: «Разорю!» и «Не потерплю!».

Давным-давно прошли те недоброй памяти былинные времена, но сегодняшний день российской действительности убеждает нас в том, что «Органчик» жив! Потомки его, плодящиеся с пугающей быстротой и в невероятных количествах по градам и весям нашего Отечества, только в том и изменились, что заменили механическое «особое устройство» на электронное, добавив к двум традиционным пьесам третью, самую нынче популярную в кабинетах разной руки: «Нельзя!»

Разрушительность этой «пьесы» испытал на себе каждый, кто нынче рискует заниматься серьезным делом, связанным с экономикой, с реальным производством, а не с деланием денег из денег.

Минувший год — увыл! — оптимизма в этом отношении не прибавил. Хлебаем, как говорится, большой ложкой.

Как десять лет назад, нас, начинающих кооператоров, за мелочную в общем-то торговлю гонимыми масками милиция гоняла по подземным переходам грозными криками «Нельзя!», так и сегодня отъехавшие на тучных нивах дикого рынка чиновники всех рангов, уровней и мастей на все предложения, связанные с ростом и расширением уже крепко стоящего на ногах производства, отвечают, подобно предку своему — Брудастому, правда, уже не ефрейторски хамовато, а вежливо, даже с улыбкой. И нет на них ни закона, ни управы.

Задумали построить новое рабочее помещение. Десяток инстанций обошли, сотни часов на обивание порогов потратили. Ну, вроде бы не мытьем, так катаньем все визы получили. Ан нет, шалишь, предприниматель! Москомприрода разрешения не дает: на будущей стройплощадке придется срубить три дерева. «Нельзя! Деревья — дело святое».

Хорошо, говорю я им, мы посадим десяток взрослых деревьев. Хотите — липы, хотите — клены. Хотите — секвойю привезем из-за океана или квебрахо. И скверик разобьем рядом, скамеечки резные для граждан соорудим. А?

Послушали они нас, покрутили головами и сказали: «Нет, нельзя обижать, тем более уничтожать наших зеленых друзей». Что это — железная принципиальность? Если бы...

Два года назад акционерное общество «Монетный двор» затеяло строить около нашей подшефной школы свой жилой дом, и в одну ночь нанятые им добрые молодцы вырубili липовую рожицу в школьном дворе. Как вы думаете, почему «закадычные друзья природы», что так жестко осекли нас, не сказали монетодворцам свое сладострастное «Нельзя!»? Может, потому что Двор, разбойно орудовавший топором, не простой, а монетный? Или пример с «Макдональдсом», которому разрешили вырубить парк напротив Киевского вокзала.

...В наших фирменных магазинах и киосках всегда людно: и товары на все вкусы, и цены не кусаются, аки псы цепные. Радоваться бы тем начальникам, на чьих землях идет эта выгодная для города торговля. Куда там! У них другие радости. А нам от них бумаги, вроде той, что получили нынче летом. Вот поглядите, какая грозная: требует в месячный срок закрыть наш киоск на одной из самых оживленных, самых торговых улиц Москвы — Новом Арбате. На каком, вы думаете, основании? Оказывается, здесь проходит правительственная автотрасса. Поэтому в целях безопасности спецпроезжающих — «Нельзя!». И это при том, что в десятках палаток непосредственно у трассы торгуют алкоголем и другим зельем.

Можно еще дюжину подобных сюжетов вспомнить, да стоит ли утомлять вас пересказом «ры-

В минувшем году у «Крокодила» появился не совсем обычный автор, замеченный и привлеченный не только редакцией, но и читателями за свои веселые истории из жизни современного делового человека.

Если бы у нас существовала табель о рангах бизнесменов, то президент концерна «Панинтер» Александр Степанович Паникин — а именно о нем идет речь — по итогам 1996-го занял бы, я в этом уверен, одно из самых высоких мест. Где-то на уровне Евгения Кафельникова в профессиональном теннисе.

Еще бы! Король российского текстиля, как окрестила Паникина пресса, в поразительно короткие сроки двинул вперед лежавшее на брюхе производство отечественного трикотажа, в который теперь одевается добрая четверть его соотечественников; при поддержке мэра столицы пробил решение о создании целой сети фирменных магазинов «Панинтер»; на голом месте, в подмосковной глубинке создал отлично налаженный завод, вырабатывающий молочные продукты, кои сразу же пришлось по вкусу москвичам; провел у себя представительную конференцию деловых людей по актуальным проблемам строительства новой России; выпустил веселый сборник в «Библиотеке «Крокодила»; опубликовал серию экономических и политических статей, ставших хитами; закончил работу над автобиографической книгой, аккумулирующей опыт современного делового человека, поставившего своей целью не личное обогащение, а служение Отечеству...

Впечатляет? Однако тот, кто из вышеперечисленного сделает вывод о полном благополучии Александра Степановича, сильно ошибется. Ибо, как известно, удачливых и преуспевающих людей у нас не любили никогда. Ни при Александре Втором — освободителе, ни при Александре Третьем — митротворце, ни при Керенском, ни при военном коммунизме, ни позже, как точно подметили Ильф и Петров.

Сергей Михалков как-то заметил по этому поводу: чтобы тебя любили и жалели, надо с треском вылететь с работы, разбить свою единственную машину, получить выговор с занесением в учетную карточку, скандально развестись с женой, потеряв квартиру, заболеть чем-нибудь серьезным, желанием неизлечимым. Тогда любовь, сочувствие и благожелательство окружающих обеспечены.

Однако Паникин такой любви не ищет. Он упорно, я бы даже сказал, настырно, с азартом делает дело, которое считает своим призванием и долгом, правда, не употребляя публично сих высоких слов. О некоторых из его деяний, обретений и утрат в минувшем году эти монологи, произнесенные им в своем рабочем кабинете в присутствии единственного слушателя.

ночных дурачеств», кои не так уж и безобидны, ибо не один только «Панинтер» терзают и делать дело не дают. Если не излечимся от этого опасного «синдрома «Органчика», то однажды может случиться нечто аналогичное сценке из спектакля полунинских «Лицедеев», когда ошалевший от вечного «Низ-зя!» Асисяй с торжествующим «З-зя! З-зя! З-зя!» разнес в щепки казенное кресло.

В реальной жизни пострадать может не только мебель.

ТРИКОТАЖ С МОЛОКОМ

Старый приятель, узнав, что я затеваю, спросил удивленно: «Ты что, с ума сошел? Трикотаж и молоко — ничего себе коктейльчик?»

А я и на самом деле чуть не свихнулся от нахлынувшей радости, когда впервые увидел этот уголок Подмоскovie. Сказал себе тогда: живот положу, но обживу это райское место, дело на нем новое заведу, завод молочный поставлю.

Пока хозяйством обзаводились, горько-го было гораздо больше, чем смешного. Однажды наша гордость — великолепный племенной бык — с привязи сорвался и чуть было не разметал только что поднявшуюся «фазенду». Еле угомонила бунтаря ховившая за ним работница фермы, которую пришлось срочно везти из соседней деревни.

Тогда, обсуждая с мужиками только что завершившийся поединок, подумал: слава Богу, что в основном нашем производстве быков нет. И теперь уже хорошо знакомый москвичам логотип, марка фирменная, появился и на коробках продуктов самого высокого качества: молоке, сметане, твороге, масле, сырковой массе. А совсем недавно вошла в строй новая линия, изготавливающая великолепный йогурт.

Горожане радуются: к традиционным останкинским и очаковским молочным продуктам добавились натуральные, панинтеровские. Больше стал выбор, выше конкуренция. В общем, в выигрыше покупатели. Только вот чиновников такие выигрыши не радуют. Уже намекали: не очень-то размахивайтесь со своими молочными лавочками — прикроем.

Ответил: я покупателей приведу в ваши апартаменты с бидонами и фляжками — отоваривайте!

Пока примолкли. Должно быть, соответствующие параграфы в бумагах выискивают. А мы между тем завод свой подмосковный потихоньку расширяем, ибо убедились: трикотаж с молоком — коктейльчик действительно необычный, но вполне съедобный.

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА ИСКУССТВА (Почти по Райкину)

Мне однажды доводилось испытать доброе отношение московского мэра Юрия Михайловича Лужкова к начинаниям нашего концерна. Вот и на этот раз он щедро выделил нам более двух десятков земельных участков для строительства фирменных магазинов «Панинтер». И места отменные, и условия аренды вполне цивилизованные, и заинтересованность правительства в сооружении мини-универсамов явная.

Но, как говорится, жалует царь, да не жалует псарь. Дни и месяцы уходили на собирание всевозможных виз, резолюций, решений. Казалось бы, абсолютно ясное дело обрастало горой бумаг, за которой угадывалась хитрая физиономия торжествующего бюрократа. Ну не жаловаться же мэру, ведь он-то все, что надо, сделал. Сказал своим: идите в префектуру, забирайте наши бумаги, будем придумывать что-то более радикальное.

На другой день заходит ко мне в кабинет сотрудница, кладет на стол папку с документами и улыбается.

Смотрю и глазам своим не верю: мать честная! Все как есть подписано, утверждено, разрешено и одобрено! Прямо фантастика какая-то...

Вы спросите: в чем причина этой поистине святочной истории? По правде сказать, точно не знаю. Хотя догадываюсь. Накануне в «Московском комсомольце» был опубликован мой материал, целая страница откровенной беседы с сотрудником редакции, озаглавленная «Радиация власти. Период полураспада». Между прочим, там были и такие слова: «Государство, которое мы имеем сегодня, ни на какие реформы не способно. Напротив, это — огромная бюрократическая машина, которая высасывает из страны колоссальные средства... Такое государство должно быть уничтожено».

Вероятно, в префектуре прочитали эту публикацию и решили не доводить автора до крайностей, а то вдруг начнет осуществлять свои планы с того, кто рядом...

Вот она — волшебная сила четвертой власти. Правда, при почти полном отсутствии первой.

Монологи президента записал
П. САНИН.

ФОТО С ЯМАЙКИ

Родня у англичан по причине колониальных аппетитов их предков разбросана по всему мировому океану. Поэтому повидаться с ней не так-то просто. И если англичанин решается на это, он обязательно прихватит с собой фотоаппарат. Чтобы, вернувшись домой, всегда иметь под рукой изображения милых сердцу людей. Чтобы каждый раз, когда нахлынут родственные чувства, не опустошать семейный бюджет, не отправляться в томительное путешествие.

Многочисленная родня Вии Лоуренс живет на Ямайке. Не ближний свет, и выбраться в такую даль она смогла только однажды. Разумеется, тетушка Джени и дядюшка Томас вместе со всеми чадами и домочадцами были запечатлены ею на трех фотопленках и в таком виде вывезены в метрополию. Сразу по прибытии она отдала пленки в фотоателье, которое, к несчастью, извучило всю ее родню до неузнаваемости. Где тетушка, где дядюшка, а где их ответвляющие, узнать было невозможно ввиду потоков на двух пленках и затемненности на третьей.

В ателье признали свою вину и вручили Вии Лоуренс новые пленки взамен испорченных. Дескать, в чем дело, отснимите свою родню заново,

и уж второй-то раз мы постараемся не запороть.

Поскольку данный совет был невыполним, Вия Лоуренс последовала совету потребительской организации. Оказывается, по вине ателье произошла утрата уникальных, единственных в своем роде снимков. Для Вии Лоуренс данная утрата все равно, что для человечества пропажа полотен великих живописцев прошлых веков. Может быть, ей даже огорчительнее, чем всему человечеству. Во всяком случае, человечеству еще ни один суд не возместил моральный ущерб, а Вии Лоуренс, пожалуй, — 370 фунтов. Которые, впрочем, не могут заменить милых ее сердцу лиц тетушки Джени и дядюшки Томаса.

ДЕМАРШ МИСТЕРА МАК-ЭВЕНА

С этой доброй старой Англией не соскучишься — такие там примерчики потребительского натиска! Причем из сфер, дотоле нашим братом-клиентом не освоенных.

У нас-то подобное вряд ли имело бы место. А в Англии, будьте любезны, предлагается устройство пикника в ближайшей от дома рощице с помощью специальной фирмы. Мы-то, как правило, гуляем на природе, не прибегая к услугам частного капитала. Сами разводим костерок, сами насаживаем на шампуры шашлык, сами брызгаем на него водичкой, чтобы не пересох.

Англичане же не могут без сервиса даже на пленере, что, конечно, порой выходит им боком. Вот, например, супруги Хелен и Леонард Мак-Эвен устроили романтический пикник на берегу реки на семьдесят персон. Их браку стукнуло 20 лет, и они решили не поспускаться. Расписали с

фирмой по устройству подобных торжеств все до мелочей: 18.30 — доставка напитков и приготовление льда для их охлаждения; 19.30 — подача зажаренных силами двух буфетчиков поросят и прочее-прочее.

Но произошло нечто ужасное. Буфетчики заявили, что в их функции входит только жарка мяса, а разрезать поросенка на части не их обязанность. Пришлось Леонарду Мак-Эвену самому кромсать поросенка и насаживать куски на вертел.

Далее поломалась машина для приготовления льда, а пару часов спустя — приспособление для жарки мяса. В результате мистер Мак-Эвен вынужден был самолично соорудить ручной вертел. Вдобавок ко всему в условленное время не был подан десерт.

Возмущению собравшихся не было предела. В Английской потребительской Ассоциации, куда пожаловался юбиляр, тоже схватились за голову: с такой наглостью в доброй старой Англии они еще не сталкивались. Мистеру Мак-Эвену был дан мудрый совет: счет, выставленный фирмой за обслуживание пикника, оплатить частично.

Так он и поступил, и, что самое удивительное, фирма его демарш проглотила. Поняв, вероятно, что потеряет гораздо больше, обратившись в суд.

КРОВАТЬ-ЛОВУШКА

Быть покупателем опасно как у нас, так и в Англии. Покупатель, хоть русскоязычный, хоть англоговорящий, не семи пядей во лбу, может и оплошать. Приобрести нечто такое, в чем таится подвох. Не увидеть угрозы для своего здоровья.

С возрастом, конечно, покупатель наращивает бдительность, но молодежь, как водится, хватается что ни

попада. Не задумываясь о последствиях.

Английская молодая пара Хейли и Мишель Свейн приобрели кровать для своей двухлетней дочки Лили. С виду кровать как кровать, довольно симпатичная и прочная. Установив ее в детской комнате, супруги сразу же посадили в нее дитя, чтобы наслаждаться обновкой в комплекте с ребенком. Лили тоже, не откладывая дело в долгий ящик, приступила к освоению личной собственности. И в процессе освоения просунула голову между металлическими прутьями, а вынуть обратно не может.

Конечно, с ребенком сразу истерика, мама в трансе. Более хладнокровный папаша путем пятиминутных манипуляций с детской головкой с трудом, намылив Лили виски и уши, выволил ее из плена.

Приходят перелуганные родители с этой агрессивной кроватью в магазин. Желая поменять ее на другую или вернуть свои деньги. А им говорят:

— Ничего не знаем. Дитя кроватью обидело, обслонявило, возможно, и описало. Смотреть надо, что покупаете.

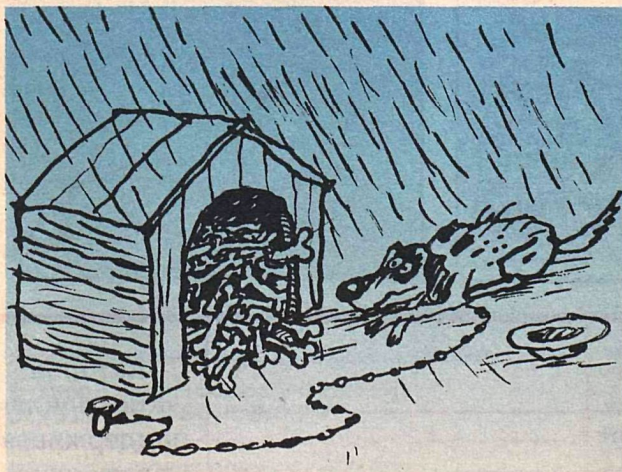
Справедливость в их словах была, но, как впоследствии выяснилось, она носила односторонний характер. Суд, занявшийся этим делом, вынес такой вердикт: бдительность должны проявлять не только покупатели, но и продавцы. Причем последние в большей степени, так как оценка безопасности получаемого ими товара входит в круг их обязанностей.

Супруги получили свои деньги и компенсацию за моральный вред. И, надемся, урок на будущее.

Информацию из журнала «Which» почерпнула референт-переводчица Информгентства КонФОП Ольга ФЛАКСМАН.

А. ЛЕВИТИН.

— Так, продовольственную программу я решил. Теперь возникла жилищная...

А. ВАСИЛЕНКО.

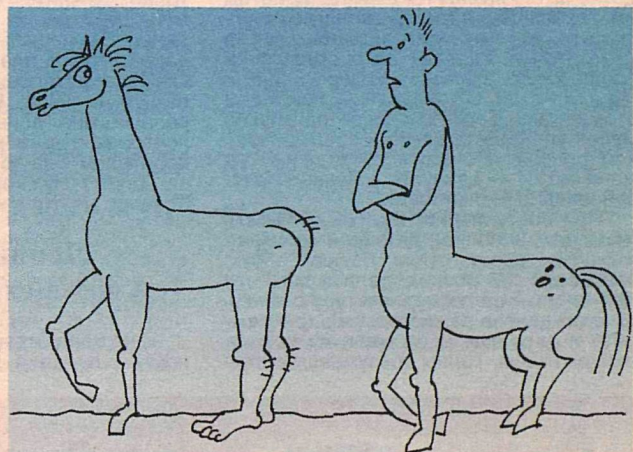
МАРЬЯЖНЫЙ ИНТЕРЕС В КАЗЕННОМ ДОМЕ

В «Демвыборе России» Е. Гайдар, поленившись гадать самостоятельно, выглянул за окно своего офиса и свистнул проходившую мимо цыганку. Та взялась предсказать его будущее за 100 баксов и сказала:

— Ох, касатик, изумрудный мой, яхонтовый! Ждет тебя марьяжный интерес к пиковой, трефовой, бубновой и червовой дамам — объединишься, значит, с Хакамадой, Старовойтовой, Лаховой и Памфиловой. Будут у вас пустые хлопоты и напрасные ожидания — в правительстве не позовут, на место Чубайса не посадят. Но ты не огорчайся, сядешь все равно — если не в казенный дом после дальней дороги, то за мемуары. Опасайся, милок, сглазу, порчи, скоропалительных блоков и несанкционированных митингов. А коль останутся на месте седой трефовый король с рыжим червовым валетом — все у вас будет кучеряво. А теперь — позолоти ручку! Вернее, позелени!

И Егор Тимурович, отдав цыганке доллары, отправился, следуя ее пророчеству, писать свои мемуары «Девять месяцев, которые шокировали Россию».

Стр. 14 ➔

Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков.

В. ЛУГОВКИН.

Временные кликухи

Ко мне с детства клички надолго не прилипали. Несмотря на то, что мое детство пришлось на военные голодные годы, фигура у меня в младших классах была довольно плотной. Временно был обозван «Бочканом». Жил я тогда с родителями в Ставрополе, и когда мы, ребята, играли во дворе в футбол (мяч был шит из тряпок, а двор вымощен булыжником), меня всегда ставили на ворота: думали, что толстому мяче падать. Вот и появилась кличка «Бочкан». Круглый, как бочка, к тому же я был очень подвижен. Но звали меня так всего один футбольный сезон, а дальше вес пошел в рост...

Потом мы с родителями переехали в Астрахань. И где-то классе в девятом кто-то назвал меня «Гипотенузой». Тоже ненадолго. Восстали девочки. Я к тому времени был «героем-любовником» в драмкружке при Дворце пионеров и довольно спортивным парнем, так что за «Гипотенузу» мог дать в лоб.

Лезгинка на экзамене

В театральном, как известно, очень большой конкурс. Когда я поступал, в Институт театра, музыки и кинематографии, был 101 человек на место (не сто, а сто один!). Толпы юношей и девушек осаждали Моховую, 34. Были среди них и те, кто, прочитав условия приема, говорил: «Давай сюда, здесь математика не надо сдавать!» Я был целенаправлен, хотя если честно, то математика, химия, физика и для меня были катастрофой: только хорошее отношение учителей, которые понимали, к моему счастью, что их предметы мне и на фиг не нужны, что в глазах и в мозгах у меня только ТЕАТР, помогло мне получить вполне достойный аттестат зрелости; вот с ним-то, к огорчению родителей, я и рванул в Питер. Почему к огорчению? Потому что старший брат уже покинул отчий дом (кстати, он окончил школу с золотой медалью и учился в другом городе), и мамочке, конечно, не хотелось оставаться одной: папа с утра до ночи вкалывал на работе. И потом им, технарям, и в голову не могло прийти, что их сын, хотя и занимался в драмкружке, сделает актерство своей профессией... Но мы — Козероги (и я, и папа, и мама). С упрямством, присущим этому знаку, я все-таки переупрямил не менее упрямых предков и с исторической фразой: «Почему кого-то примут, а меня нет?» — двинулся в Ленинград на завоевание Мельпомены.

При поступлении надо было читать (наизусть, конечно), да еще и «с выражением», прозу, стихи, басню... Петь, танцевать... В общем, делать все, что прикажут. А на последнем туре с помощью студентов режиссерского факультета играть еще и отрывок из какой-нибудь пьесы. Толпы обезумевших абитуриентов все это проделывали кто

лучше, кто хуже, и с каждым туром нас становилось все меньше. Перерывы между испытаниями были до двух недель, а ожидание следующего — тягостное: нервы, недоедание... Я был длинный, худощавый и к концу уже еле на ногах держался. И когда мой будущий педагог, профессор Б. В. Зон, сказал: «Станцуйте!» — силы были на исходе, и я с отчаянным криком «асса!», сунув, наподобие кинжала, палец в рот, на тоненьких ногах, подгибающихся коленях пустился в лезгинку! Это было так неожиданно для всех (и для меня тоже), что сначала установилась мертвая тишина, в которой были слышны только мое тяжелое дыхание и истеричные звуки «ассс, ассс», — а затем как минимум три четверти членов приемной комиссии во главе с ее председателем Николаем Черкасовым оказались под столом от хохота. Меня долго не могли остановить...

«Питер взят!»

Как только я прочел свою фамилию в списке поступивших, я ринулся в ближайшее почтовое отделение. Денег было немного, а эмоций куча, поэтому я вложил в два слова весь смысл случившегося. И мои родители должны были прочесть в этой телеграмме: «Питер взят!» Но... телеграфистка, принявшая от меня бланк с этими словами, оказалась сверхдотельной (очевидно, она помнила, с чего началась гражданская война в Испании: «Над всей Испанией безоблачное небо», — это был пароль о начале мятежа, и она решила, что мой текст что-то подобное подразумевает). Попросив меня подождать, через минуту она вернулась не одна, а с человеком, как говорил Б. В. Зон, с «недетскими глазами». Он, вежливо задвинув меня в угол, попросил объяснить содержание написанного. Это я сейчас все так храбро описываю, а тогда здорово перетрухал. Для тех, кто не знает: по тем временам я запросто мог оказаться не в театральном, а совсем в другом «институте». Я объяснил... Он посоветовал изменить текст. Я сказал, что у меня на большее количество слов нет денег. Он достал кошелек... Я порвал на его глазах бланк моей телеграммы. Он, удовлетворенный, ушел. Я тоже вышел на улицу. Выпил пива на подаренные мне деньги. Зашел в другое почтовое отделение и дал телеграмму родителям, она до сих пор у них хранится. Текст? Ну, конечно: «Питер взят!» Козерог, ну что с него возьмешь...

Ленин и джаз в питерском автобусе

Еще одна история о «сверхдотельности». Когда я закончил институт и

ЭММАНУИЛ
ВИТОРГАН

Я ПРОХОДИЛ СКВОЗЬ ДВЕНАДЦАТЬ

уже служил в театре, денег по-прежнему не хватало, и приходилось подрабатывать — вести драмкружок в одном из вузов. Мы подготовили программу к какому-то празднику, и нам потребовалась джазовая мелодия. Но тогда джаз был под запретом, и мне чудом удалось добыть через знакомых пластинку. Я вез ее, завернув в «Правду», в переполненном автобусе. И чтобы, не дай Бог, ее не раздавили, держал над головой. И вдруг — голос:

— Ты что, молодой человек, не мог в другую бумагу завернуть?

Я сначала не понял, что это обращение ко мне, и лишь потом увидел направленные на меня два острых, глубоко сидящих глаза.

Я. Если б вы знали, что завернуто в эту газету, вы бы не только не «тыкали», но никогда бы не заикнулись об увиденном.

Он. Что? Что там может?..

Я. А то! Здесь пластинка с речью Владимира Ильича Ленина на съезде РСДРП.

Лицо из праведно-бледного сразу стало трусливо-красным. Водитель ав-

тобуса был вынужден остановить машину — очевидно, подумал, что-то произошло: автобус трясся от хохота. Хохотали все. Кроме одного... Угадайте с трех раз, кого?

Бремя славы в одесском трамвае

Как-то приехал на съемки в Одессу. А поскольку поезд приходил очень рано, я пожалел сотрудницу киностудии и сказал, что встречать меня не надо, доберусь сам, благо на трамвае до Одесской киностудии несколько остановок.

Было замечательно прохладное летнее южное одесское утро. В трамвае нас оказалось всего трое: двое молодых людей и я. Если я ночь в поезде провел спокойно, то они ехали явно с большого «бодуна». Я скромно стоял на площадке, они же засекли меня и о чем-то между собой поспорили. Разговаривать им было трудно, поэтому их беседа продолжалась недолго, и один из парней, оторвавшись от сиденья, двинулся в мою сторону. Я еле поймал

«КУДЫ КОТИССИ?»

Лидеры «Яблока» Г. Явлинский и В. Лукин гадали по первому встречному: какие слова скажет человек, первым встретившийся на дороге в рождественскую ночь, то и будет в наступающем году. Ждали они недолго: вскоре появилась усатая фигура с очень суровым выражением

лица. «Яблочники» вначале подумали, что это тень Сталина, и испугались. Но потом разглядели в прохожем Ю. Болдырева.

— Третьим будешь? — радостно спросил Лукин.

— Да пошли вы!.. — ответил бывший сподвижник и скрылся в рождественской ночи.

Явлинский вздохнул:

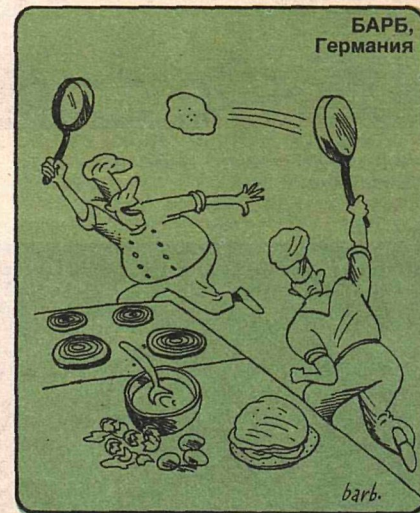
— Значит, раскол будет продолжаться. И снова нас повсюду пошлют...

— Не грусти, Алексеич, — приободрил его председатель думского комитета по международным делам. — Съездим пока в Страсбург, Женеву и Давос. Там нас любят больше!..

И они, обнявшись, нестройно запели «Яблоки на снегу».

ЛАНГЕР,
Аргентина

БАРБ,
Германия

КРОКОДИЛ

Журнал
сатиры и юмора

№ 1 (2793)
январь 1997

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА

Учредитель —
трудовой коллектив
редакции журнала
«Крокодил»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Алексей ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталья БУХАЛЁВА (ответственный секретарь),
Борис ЕФИМОВ, Лидия ЖЕСТКОВА, Михаил КАЗОВСКИЙ,
Владислав ПОБЕДНОСЦЕВ (зам. главного редактора),
Эдуард ПОЛЯНСКИЙ, Святослав СПАСКИЙ (главный художник).

Авторов
«Крокодила»
поддерживает
российский
концерн
«ПАНИНТЕР»

его, так как трамвай мотануло и молодого человека бросило на меня. Он с полными благодарности глазами спросил:

— Старик, ты артист Ледогоров?
А мы действительно с Игорем Ледогоровым похожи. Характерные складки у рта... Только он постарше меня.

— Нет, я не Ледогоров.
Глаза, полные благодарности, стали полны обиды. Он ничего не успел сказать: трамвай остановился, и парень вместе с другом «выпал». Как только трамвай тронулся, он, вцепившись в дверцы и приоткрыв их, с горькой обидой произнес:

— Ты все-таки, сука, Ледогоров!

Адмирал Нельсон в московском троллейбусе

Вы, наверное, заметили, что я за свою карьеру переиграл, особенно в кино, кучу так называемых «отрицательных» героев. Там были и зеки, и белогвардейцы, и оберштурмбан-фюреры СС... Меня часто спрашивают: а нравится играть такие роли? Нравится. Как минимум — потому, что я подерживаю бдительность милиционеров:

они, увидев меня и не узнав, постоянно «на стреме» — уж не тот ли это мерзавец, которого разыскивает их департамент? Когда я приезжаю в какой-то город на гастроли или на съемки, первыми, кто меня «берет», это МВД, ФСБ, ГАИ. Берут зачастую в баню — пообщаться, попить, потрепаться... А вечером — выступление в ДК имени, ну конечно же, Дзержинского. А в Куйбышеве предложили плюс ко всему еще и выступить в местной тюрьме. Люди мы любознательные... Я был очень удивлен эрудицией этих зрителей — вопросы, которые задавали многие из заключенных, далеко не в каждом «нормальном» зале зададут. Часа два с лишним мы разговаривали и расстались, по-моему, довольно взаимно.

Прошло несколько лет. Москва. Я возвращаюсь после спектакля из Театра имени Маяковского. Народу в троллейбусе довольно много. Присел на свободное место. Слышу, мой сосед говорит:

— Хорошие у тебя часы.
А часы у меня, по тем временам, бы-

ли действительно очень хорошие. Подарок.

Я говорю:
— Да... А времени сейчас столько-то.

Он. Время меня меньше всего волнует, а часы понравились. Давно они у тебя?

Я. Недавно.
Он. Немного поносил. Хватит.
Я (обалдело). Кому хватит, а кому нет.

Должен сказать, что я возвращался из театра, только что отыграв роль адмирала Нельсона. Человека бесстрашного, привыкшего повелевать, не терпящего возражений. И тут «Нельсону» предлагают снять часы?!

Он. Ты что, хочешь получить «перо»?

Мало того, что у Нельсона нет руки, глаза, так еще и «перо» в бок?!

Со стороны казалось, что сидят два человека и мирно беседуют, только почему-то не глядя друг на друга. Вдруг один (это я) поворачивается к другому, и весь автобус слышит:

— Да пошел ты!..
Второй (это он) поворачивается к первому и...

— Прости, я тебя не узнал! Хочешь, я сейчас у всех часы снимаю и тебе отдам? Ты-то меня не помнишь, а я тебя запомнил — хорошо мы тогда поболтали... Ну, в Куйбышеве, в тюрьме...

Пассажиры, конечно же, решили, будто им показало, что кто-то кого-то только что «послал», ибо вышли эти двое вместе, мирно беседуя, а потом попили пивом... Но это уже видели другие.

С усами, но без денег

В недавнем фильме «Кодекс бесчестия» режиссера Всеволода Шиловского я играл крутого полковника КГБ, занимающегося переборской денег КПСС за границу. Один из эпизодов снимали в Швейцарии. Действительно, в Швейцарии! Группа во главе с Шиловским уехала раньше, а я должен был подлететь попозже. За несколько дней до моего отъезда раздался звонок. Шиловский. Просит лететь в костюме, в котором снимаюсь, наклеить усы (у меня были по роли небольшие усы) — будут снимать прямо в аэропорту сходящим по трапу самолета.

Летелось мне хорошо, елось-пилося на славу, общался и с нашими, и с «иными» гражданами. Минут за двадцать до посадки я обратился к стюардессам, объяснил ситуацию, они мне организовали уголок с зеркалом, так что я мог спокойно загримироваться, наклеить усы... Когда уже в гриме сел на свое место, те, кто со мной раньше общался, как-то странно на меня посмотрели, и

им явно не захотелось продолжать разговор с человеком, у которого так быстро выросли усы.

Посадка. Выхожу на трап. Ни камеры, ни Шиловского. Идет автобус. Думаю, наверное, из автобуса снимают. Вхожу. Ни Шиловского, ни камеры. Думаю, наверное, из зала снимают. Подъезжаем. Входим в зал. Ни... ни... Меня это уже начинает раздражать. Отдал таможеннику паспорт. Нервно оглядываюсь. Жду этого сладкого слова: «Мотор!» Ни мотора, ни Шиловского. Поворачиваюсь, чтобы забрать «молоткас-то-серпастый». Не отдают. Смотрит офицер на меня, пальцем показывает на фото в паспорте, а там ведь усов нет! «О!» — говорит он. «А!» — говорю я и с непосредственностью младенца срываю усы. Из его уст вырывается уже целое предложение: «О-о-о!» Я на чистом русском (другого не знаю) начинаю объяснять, в чем дело. «О, браво!» — говорит он, и я с гордостью понимаю, что и эту фразу мне переводить не надо. Рукопожатия, улыбки... Ступаю на землю божественно красивой Швейцарии.

А вот и Шиловский, и камера с ее «мотором» — ждут меня на улице. В аэровокзал, а уж тем более на летное поле их не пустили — за все надо платить, и никто на этой божественно красивой земле не хотел и не мог понять прекраснейшее советское слово — халява!

Новый год не бывает без «Чародеев»

В этом фильме снимались замечательные актеры: и Катя Васильева, и Валентин Гафт, и Михаил Светин, и Семен Фарада, и Саша Абдулов. В общем, было у кого и чему поучиться. Ну, а что касается моей роли... Произошел просто редчайший случай: из моих семидесяти с лишним ролей в кино — даже не надо прибегать в пересчете к помощи пальцев на ногах, хватит и на руках — мне выпала роль Доброго человека. А какими авторами эта роль выписана — братьями Стругацкими! Этот фильм уже многие годы крутят по телику перед Новым годом либо в начале Нового. Светлый, добрый фильм с замечательной музыкой.

Артисты работали с явным удовольствием. Ну разве не удовольствие — в свитере и в тулупе таскать на себе Светина и «проходить с ним сквозь стену»? Раз, два... семь дублей. Для Светина мало. Он творец, он все время в поиске — и почему-то, сидя на мне. Он говорит, что здесь ему удобней думать. И режиссер ему потакает... И мы «проходим» девятый... двенадцатый дубль... и вот я уже «проползаю» сквозь сте-

ны... Вот теперь Светин удовлетворен, впрочем, как и все остальные, кроме меня!

Многие сцены мы снимали в только что отстроенном туристическом комплексе в Суздале. Все было новенькое, чистенькое, блистало и сверкало. А какие бары!.. Ну и, конечно, к нам было повышенное внимание со стороны туристов и обслуживающего персонала. Тот вечер, о котором хочу рассказать, особенно удался: нас принимали бармены как родных, уже после закрытия заведения, и мы просидели там так долго, что ложиться спать не было смысла — рассвет манил нас в Москву. Должны были уезжать двое: я и... обо-значу его двумя буквами — А. А. Не мучайтесь, все равно не догадаетесь. Он был на своей машине, и мы договорились, что он заберет меня. На дорогу гостеприимные хозяева дали нам пива — как сейчас помню, в железных банках, датское — это было в новинку! И мы, умиленные, двинулись в путь.

Тишина... Белый снежок... Машин почти нет... Одним словом, благодать!

Один пост ГАИ проехали. Спят. Второй. Дремлют. Музыка в машине! Пиво! Датское!.. Не сразу расслышали нежную трель милицейского свистка. Метров двести проскочили. Состояние сидевшего за рулем А. А. как раз соответствовало этой встрече. Ведь для каждого водителя общение с ГАИ — праздник! Поэтому А. А. так хорошо готовился — всю ночь; а сейчас, взяв банку пива, он вышел навстречу судьбе. Они сблизились... Один — чуть покачиваясь, другой — твердо печатая шаг. Один по ходу открыл пиво и приложился, другой был этим непомерно удивлен.

— Ты что, с ума сошел? Ты же за рулем! — сказал удивленный.

— А я не собираюсь никуда ехать, — последовал жизнерадостный ответ А. А.

И тут я стал свидетелем того, как у человека может «упасть челюсть». Через несколько минут она вернулась на место, и с ее помощью изо рта вырвалось такое!!! Когда по телику показывают какую-то программу и там просят сказать нецензурные слова, то вместо них вставляют свист. Тут был бы сплошной свист. Но ничего поделаться майор не мог. Доказать, что А. А. был нетрезв за рулем до последней банки пива, не представлялось теперь возможным...

Мы поймали попутку и уехали на ней в Москву. Протрезвевшие. Полные оптимизма. С чувством глубокого удовлетворения.

Приятеля поздно ночью пригнали машину А. А. к его дому. Больше на ней он в Суздаль никогда не ездил. К большому огорчению сотрудников местного ГАИ.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

На Аляске молодой человек с термометром в руках ждет девушку, опаздывающую на свидание:

— Если не придет до минус семьдесят, ухожу.

— Подумать только! — упрекает супруга рассеянного профессора. — За последние две недели ты меня ни разу не поцеловал.

— Ничего не понимаю, — изумляется профессор. — С кем же тогда я все это время целовался?

Жена спрашивает мужа:
— Что ты вырезаешь из газеты?
— Заметку о мужчине, который потребовал развода из-за того, что жена роется у него в карманах.
— И что ты сделаешь с вырезкой?
— Положу в карман.

В перерыве футбольного матча в кабину радиокomentатора приходит тренер местной команды.

— Послушайте, — говорит он комментатору, — нельзя ли репортаж вести по-медленнее? Наши ребята не могут играть с такой скоростью.

В ресторане молодой человек обращается к своей юной спутнице:

— Вот уже пять минут, как я безумно в тебя влюблен. Ты согласна стать моей женой?

— Да, дорогой!

— Официант! Одного священника!

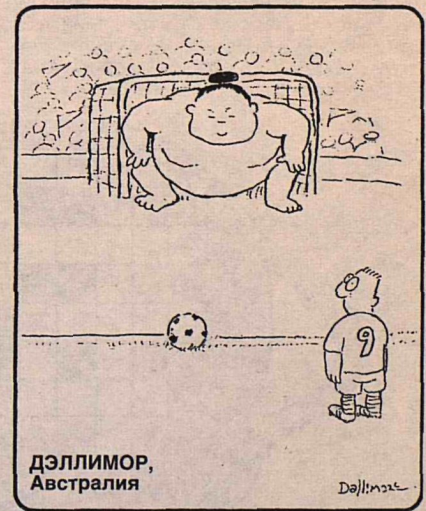
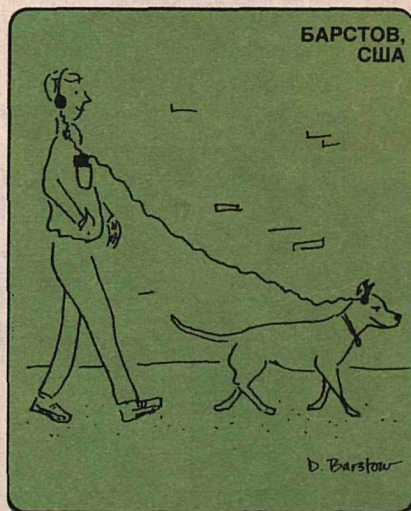
Пожилая дама жалуется продавцу зоомагазина:

— Вчера я у вас купила полука и ужасно им недовольна. У него возмутительный лексикон.

— Да, отвечает продавец, — он немало ругается. Но зато не пьет и не курит.

— Бабушка, — спрашивает внучек, — почему ты так часто читаешь Библию?

— Готовлюсь к последнему экзамену.

Художественный редактор Диана МАЗУР.

В оформлении номера участвовал
В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ.

Редакция знакомится со всей поступающей почтой и вступает в переписку по мере необходимости. Присланные литературные и изобразительные материалы не рецензируются. Рукописи меньше 2 авторских листов не возвра-

щаются. Перепечатка из «Крокодила» допускается только со ссылкой на журнал и с разрешения редакции.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
фельетонов — 205-46-68, литературы — 250-16-63,
художественного — 250-09-70, распространения — 257-37-51,
рекламы — 251-65-12. Приемная — 257-31-14. ФАКС 257-31-14.

Сдано в набор 19.11.96. Подписано к печати 05.12.96.
Формат бумаги 70 x 108/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 11,20. Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 81400 экз. Зак. № 1271.
В розницу цена договорная.

Журнал зарегистрирован Министерством печати и массовой информации России.
Свидетельство № 01535.
Типография издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© «Крокодил», 1997.

300 ТЫСЯЧ
ЗА ЧЕТВЕРСТИШЕ
перехватил по мере восхождения труппой на
Парнас А. АНИСЕНКО из г. Истры (байка про «Новую русскую»). Теперь при
бюджетника». Так ему, Анисенко, и надо.

200 ТЫСЯЧ
ЗА «БЕЗБОРОДЫЙ» АНЕКДОТ
хрюнул Е. ЛЮСКОВ из г. Истры (байка про «Новую русскую»). Теперь при
помощи нашего приза Люсков сможет покрасить свой пиджак в красный цвет и
тоже стать «новым русским».

100 ТЫСЯЧ
ЗА «БОРОДАТЫЙ» АНЕКДОТ
и напоминаем: конкурсы продолжают!

ПРИЗЫ — В КАЖДОМ НОМЕРЕ!
Бегите же на почту, друзья, имея при этом в виду, что

ПОДПИСАТЬСЯ НА НАШ ЖУРНАЛ МОЖНО С ЛЮБОГО МЕСЯЦА И НА ЛЮБОЙ СРОК!

КВК «ДЕРЕВО»
По горизонтали: 4. Певец, недавно лишившийся хвоста как «виньетки ложной сути». 5. Баный — пристаёт, осиновоый — дрожит, александрийский — проносит. 7. Брюнетная масть (игр.). 10. Ну о-очень густенное молоко с сахаром и цукаткой. 11. Знак Зодиака, от которого может остаться одно мокрое место. 13. Божья тварь, которую посылают за хлебом на небо. 16. Салонная «стихийная» игра. 18. Коллектив по фене. 19. Месяц, грозящий с самого начала (поэтич.). 21. Гуманоидная посуда. 22. Самогонная заготовка. 24. Ряженный в глазах невесты. 26. Произведение, где даму с камелиями положили на музыку. 28. Человек с тараканами в голове (ласк.).

По вертикали: 1. «Фирма» фирмача (спорт.). 2. Настоящие, блестящие, купленные мамой для Леша (песенн.). 3. «Лада» для внутреннего употребления. 6. Русский кабриолет, трясушийся по гоголевским дорогам. 7. Непотопляемый общепит. 8. Мужик донны Анны,

шлепнутый Дон-Жуаном, по званию. 9. Нарушительница кислотно-щелочного баланса (рекламн.). 12. Содержатель стотинок. 14. Пол-звезда, начинавшаяся с «Чучела». 15. Политпринадлежность «спортсменки, студентки и просто красавицы» (гайдаевск.). 17. Ресторанчик для Ходжи Насреддина. 20. Ежеутренний моцион героя «Осеннего марафона». 23. Лев Толстой как «матерый человечище» из камня (ленинск.). 24. Отсек в медохранилище (пчелин.). 25. Гол на дворежном языке. 27. Сценарист, который, единожды солгав, предоставил общежитие одиноким отцам и дедам на Дерибасовской и Брайтон-Бич.

КВК «ЗУБР»

По горизонтали: 3. Потенциальная «госпожа Президент» по прошлой выборной кампании. 7. Дерево-амбал. 8. То же, что «клево!», но более интеллигентно (молодеж.). 9. Поглотитель п. 9 в КВК «Дерево». 10. Князь, у которого рупий — павлины не клюют. 14. Любимая женщина в кондитерском смысле. 17. Короткий этап в истории КПСС, когда продуктов было навалом. 19. Киноартист, персонаж которого возмущался, почему ему не доложили, что принц вырос. 20. Эквивалент бычка в томате. 21. Персонаж Р. Быкова, живший на улице «Койкого». 23. Англичанин, решивший затмить Нобеля в сфере литературы. 24. Шашка, вышедшая в люди (игр.). 25. Звук, слышимый за ушами по ходу поглощения п. 9 в КВК «Дерево». 28.

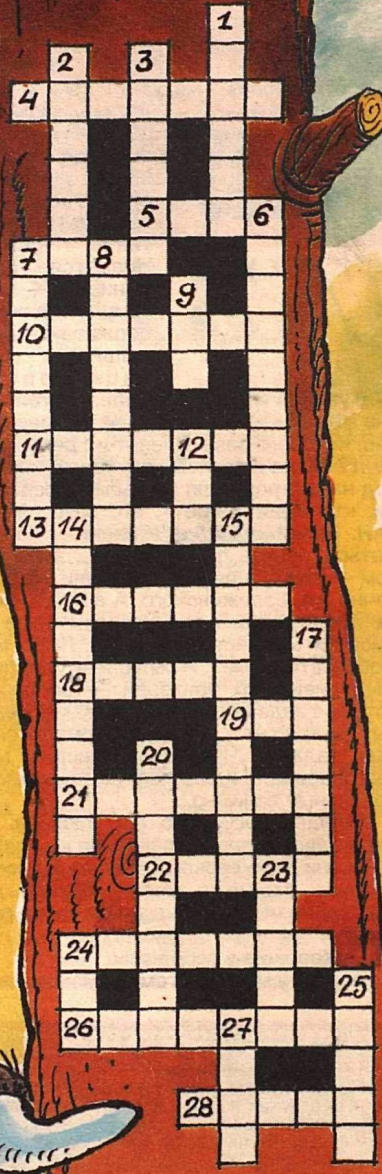
Актёр, российский теле-Мегрэ. 29. Часть перчаток — предмет гордости почётногo эскорта. 30. Неправильная форма взаимодействия человека с совестью. 31. Русский эквивалент фужера. 32. И сахарный, и сахарный. 33. Астронавт, говорящий на русском.

По вертикали: 1. Самое шлягерное место в Прибалтике. 2. Холодный, у которого тревоги под водой (пугач.). 3. Человеческое свойство, эксплуатируемое журналом «Плейбой». 4. Рыба, которую хочется пригласить к пиву. 5. Мат-перемат как риторическое явление. 6. Столетний домашний доктор (в горшке). 11. Год, где голландская королева у себя дома. 12. Конечность, которая чешется перед мордобоем. 13. Современное хамло. 15. Биография резидента. 16. Посол по профессии. 17. Человек, первым спросивший, кому на Руси жить хорошо. 18. Денис Давыдов как неуловимый мститель. 22. Молодой гулёна по Дону (песенн.). 26. Мини-бревно, которое иногда тешут на голове. 27. Желудочно-кишечный путь. 29. Собачья радость (кроме «Чаппи»).

Составила Р. РОДИОНОВА, Амурская обл.

КРОКОДИЛЬСКИЕ ВЕСЕЛЫЕ КРОССВОРДЫ

С НАСТУПИВШИМ!

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 12, 1996 г.

КВК «ЖИРАФ». По горизонтали: 1. Уют. 3. Су. 4. Миг. 5. «Атас». 7. Фора. 9. Крап. 10. Гердт. 13. Мимоза. 16. Анастасия. 20. Аспирин. 21. Кокос. 22. Философ. 23. Кофе.

По вертикали: 2. Табу. 3. Самогон. 4. «Маэстро». 6. Срам. 7. «Фишка». 8. Завод. 10. Гарем. 11. Режим. 12. Транзит. 14. Изнанка. 15. Ниппель. 17. Агасфер. 18. Природа. 19. Окрошка.

КВК «МЕДВЕДЬ». По горизонтали: 1. Яга. 3. Гад. 4. Секира. 6. Ярмольник. 7. Пижама. 9. Парадокс. По вертикали: 2. Гудви. 3. Гарлем. 5. Кормидо. 8. «Асса».

КВК «ВОЛК». По горизонтали: 2. Пруд. 3. Пыл. 4. Выя. 5. Туш. 6. Тетя. По вертикали: 1. Ну. 2. Пельш. 3. Пятак. 4. Ворота.

